

Олег Якубов

МИХАЙЛОВ

или

МИХАСЬ?

Часть первая. Тайны женевского про
Часть вторая. Авторитетный человек

18+

Олег Александрович Якубов Михайлов или Михась?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22235713

SelfPub; 2023

Аннотация

Два года спецслужбы восьми стран мира пытались помочь своим швейцарским коллегам расследовать инспирированное в Женеве против российского гражданина Сергея Михайлова уголовное дело. Газеты всего мира, позабыв о его настоящем имени, называли Михайлова не иначе как Михась, «крестный отец русской мафии», главарь «Солнцевской» преступной группировки. Журналисты называли этот процесс процессом XX столетия, подсчитав, что это было самое дорогое уголовное дело в Европе. Но в 72 томах, представленных суду, присяжные не нашли ни единого факта, который бы позволил им назвать Сергея Михайлова виновным. Налогоплательщики не простили своим чиновникам о

Олег Якубов

Михайлов или Михась?

Олег Якубов

Часть первая. Тайны женеvского процесса

Часть вторая. Авторитетный человек

Светлой памяти Веры Георгиевны и Анатолия Павловича

МИХАЙЛОВЫХ

посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубоко убежден, что каждая вышедшая в свет книга живет по своим, не зависящим от автора законам, а посему предварять или комментировать содержание – труд зряшний. Но я пишу эти строки с единственной целью – оградить все изложенное на этих страницах от любых двояких толкований. В книге использованы подлинные документы, приобретенные к уголовному делу, именно эти материалы, а также комментарии самого Сергея Михайлова, его адвокатов, экспертов стали основой всего здесь изложенного.

Беспристрастность Фемиды и личные амбиции ее служителей – суть понятия разные. Известно, что заключенные в американских тюрьмах могут защищать докторские диссертации и писать книги, а один из арестантов лондонской тюрь-

мы вот уже третий год подряд участвует в чемпионатах мира среди курильщиков трубок, и на эти чемпионаты его отпускают беспрепятственно. Созданы десятки фильмов, написаны сотни книг и исследований о пеницитарной системе Запада. Да, в тамошних тюрьмах можно иметь собственный расчетный счет и питаться, как в приличном ресторане, можно по ночам смотреть телевизор, а при желании заключенные даже могут вступить в брак друг с другом. Все это действительно осуществимо, и тем не менее это не более чем внешняя сторона дела.

Но вот в самом центре Европы, в стране, которая гордится своими демократическими достижениями, был арестован человек. Арестован без всяких на то оснований и заключен в тюрьму на долгие два года лишь потому, что человек этот родился и жил в России, является ее гражданином. И возбужденное в Швейцарии против Сергея Михайлова уголовное дело можно назвать делом, возбужденным не против одного человека, а против всех русских, против России. Но как ни старалась швейцарская юстиция, как ни попирала она все человеческие права Михайлова, как ни фальсифицировала документы, раздутый миф о «русской мафии» еще раз предстал перед всем миром мыльным пузырем. В своих стремлениях швейцарцы были не одиноки. Два года мощнейшие спецслужбы восьми стран мира пытались «слепить» это инспирированное их швейцарскими коллегами отнюдь не уголовное, а по своей подоплеке политическое дело. Но в семи-

десяти двух томах присяжные не сумели обнаружить ни одного подтвержденного документами факта, который позволил бы им признать Сергея Михайлова виновным.

И все же этой книгой я не претендую на анализ того, как западный мир пытается противостоять влиянию русского бизнеса на мировую экономику. Скорее всего, это скорее – зеркальное отражение событий, происходящих с человеком, которого пресса всего мира называла главарем Михасем, окрестила отцом русской мафии и крупнейшей преступной группировки, но извиниться перед которым никто не удосужился и по сей день.

Автор

Часть первая

ТАЙНЫ ЖЕНЕВСКОГО ПРОЦЕССА

Глава первая

АРЕСТ

Документы уголовного дела № P\9980\96 Полиция безопасности

Бригада KORUS

Информация от полиции

До настоящего времени поименованный Михайлов Сергей, родившийся 7.2.1958 в России, органам женеvской полиции был неизвестен.

Женева, 15.10.96.

Республика и кантон Женева Полиция безопасности
Отчет инспекторов Ваннера – личный знак S7312, Ширера —

личный знак S7904, Кампиша – личный знак S7905.

Господину шефу полиции безопасности

Мы подтверждаем, что в этот день мы отвезли в полицейский участок по приказу комиссара полиции господина Реборда, именуемого: Михайлов Сергей, урожденный Михайлов, сын Михайлова Анатолевича (на самом деле – Анатолия. Здесь и далее автор сохраняет стиль и орфографию приобщенных к делу документов), родился в Москве, русский и израильтянин. Он же «Михас», женат на Людмиле Анатолевне, бизнесмен, который был задержан когда он прилетел в аэропорт Куантрэн из Вены (Австрия) рейсом sr 0031\15, прилетающим в Женеву в 23.35.

Женева, 16.10.96.

Республика и кантон Женева Судебная власть Прокуратура

Дворец правосудия, площадь Бург де Фур, 1. Господину следственному кантональному судье Касается P 9980\96

Господин судья,

вслед за моими телефонными переговорами, которые я вел с господином Жаном Трекани, касающимися вчерашнего ареста господина Михайлова Сергея, против которого прокуратура ведет первоначальное дознание, я обращаюсь к

вам.

Из статьи, появившейся в бельгийской прессе, следует, что обвиняемый связан с российской организованной преступностью. Обвиняемый выразил согласие на посещение своего местожительства, которое он занимает со своей женой в городе Борекс. Женевская полиция безопасности и инспекторы вашего кантона уже связались друг с другом. Настоящий документ адресован вам в силу Соглашения об уголовной межкантональной помощи.

Примите, господин следственный Кантональный Судья, выражение моего глубокого уважения.

Жан Луи Кроше, прокурор. 16 октября 1996 год

Вена – Женева, 15 октября 1996 года. Вечер – ночь.

Все не заладилось с самого начала. В венском аэропорту Сергей обнаружил, что невесть куда делся билет на самолет. Еще накануне вместе с паспортом он положил его в сумку, и вот теперь билета не оказалось. Паспорт, другие документы, бумажник – все было на месте. Один проклятуший билет куда-то запропастился. Кто-то из друзей пошутил: «Значит, не судьба, Серега, оставайся в Вене. Полетишь в Женеву через пару дней». Но Антон Кандов быстро связался с гостиницей. Расторопный портье отправил кого-то в номер, который занимал Михайлов, и выяснилось, что билет лежит в самом центре стола. Сергей готов был присягнуть, что из сумки его не вынимал, но факт оставался фактом, да и некогда было

в аэропортовской суете анализировать происшедшее. К тому же Антон скороговоркой, сопровождая ее смешной гримасой, изображал учтливую позу: «Не беспокойтесь, господин Михайлов. Наш посыльный, господин Михайлов, уже выехал в аэропорт на такси, и билет, господин Михайлов, через несколько минут будет у вас. Приятного вам полета, господин Михайлов, приезжайте к нам еще».

– Ты, как всегда, оптимист, Антонио, – хлопнул Сергей приятеля по плечу. – Тебе никто не в состоянии испортить настроение. В этот момент в зале появился посыльный с билетом. Сергей наспех попрощался с друзьями, подхватил сумку и поспешил к окошку паспортного контроля. Забрав паспорт и пройдя границу, обернулся, еще раз махнул рукой друзьям и скорым шагом направился вниз, к залу регистрации, где у стойки уже выстроились в очередь пассажиры рейса sr 0031\15 Вена—Женева.

От первого лица Сергей МИХАЙЛОВ:

Я уже направился на посадку, когда зазвонил мой сотовый телефон. Ответив, я услышал голос жены одного своего друга. «Сережа. Я видела тебя во сне, сон нехороший», – сказала она. Тут посадка на самолет идет, из-за кутерьмы с билетом нервы на пределе. А мне сон собираются рассказывать. Я сначала хотел сказать, что мне не до снов, но неловко было перебивать. «Приснилась мне башня с решеткой, а за решет-

кой – ты, – продолжала рассказывать моя знакомая. – Возле башни какая-то женщина. Я у нее спрашиваю, что Сергей делает в этой башне. Она отвечает, что туда его упрятали люди, которые хотят отнять его деньги. И женщина эта меня успокаивает – ты, мол, не волнуйся, денег у него не отнимут. Сережа, ты знаешь, я уже много раз убеждалась, что у меня сны вещие, не нравится мне этот сон, ох не нравится».

Ну, я ее выслушал и отправился в самолет. Недосуг мне было над снами размышлять. Полет из Вены в Женеву короткий, всего-то чуть больше часа. В дороге даже сосредоточиться не успеваешь. К тому же я все время думал об этом злополучном билете. У меня вообще-то хорошая память, я на нее никогда не жаловался. Точно ведь помнил, что положил билет в сумку и не доставал оттуда. Как он на столе оказался – ума не приложу. И то, что не мог вспомнить, меня и злило, и раздражало. Но, скорее всего, причиной этого раздражения было просто дурное предчувствие. Сейчас, конечно, можно сказать все что угодно. Но я на самом деле чувствовал, что не надо мне лететь в Женеву. Но и не лететь я не мог. Я ведь подал прошение предоставить мне вид на жительство в Швейцарии и утром следующего дня, то бишь 16 октября, должен был получить ответ на это прошение. Причем ответ, как мне сказали, положительный. И об этом, как я потом понял, знал не только я. Мои телефоны к тому времени уже прослушивались. Швейцарские полицейские понимали, что я прилечу не позднее вечера 15 октября, и меня

уже ждали.

* * *

В аэропорту Куантрэн он протянул паспорт женщине в пограничной форме, и та привычно защелкала клавишами компьютера. Потом подняла глаза. Пристально посмотрела на Михайлова и попросила его немного подождать. Снова уткнулась в экран компьютера, потом позвонила по телефону, скороговоркой произнесла несколько фраз и, опять обращаясь к нему, сказала:

– Еще немного терпения, господин Михайлов.

Через несколько минут у стойки паспортного контроля появились двое сотрудников службы безопасности аэропорта. Забрав паспорт и сверив фотографию с оригиналом, один из них спросил:

– Вы говорите по-английски?

– Немного, – ответил Сергей.

– Может быть, вам проще говорить по-немецки?

– Да, лучше по-немецки.

– Господин Михайлов, у вас возникли кое-какие проблемы.

– Проблемы? Какие именно?

– Как раз это мы и хотим сейчас уточнить. Пожалуйста, пройдемте с нами.

Они прошли длинным коридором и зашли в явно служебного назначения комнату. Светло окрашенные стены, обыч-

ная канцелярская мебель. За стеклянной перегородкой сидели за компьютерами двое служащих. Снова предложив Михайлову подождать, сотрудники службы безопасности удалились. Сергей опустился на скамью. Потом достал из кармана сотовый телефон и набрал номер своего женеvского компаньона Андрея Милованова.

– Андрей, у меня проблемы. Я задержан в аэропорту, и ситуация кажется мне достаточно неприятной.

– Понял тебя, – лаконично ответил Милованов. – Сейчас попытаюсь прояснить ситуацию.

Он еще не успел убрать телефон, как из-за перегородки вышел служащий и протянул руку:

– Господин Михайлов, передайте мне ваш телефон. Сдерживая возмущение, Сергей внешне совершенно невозмутимо спросил:

– Я обязан вам его отдать?

– Да, господин Михайлов, вы обязаны отдать телефон.

– В таком случае я отдаю его вам. – И Сергей протянул телефон.

Снова разместившись на скамье, он выждал несколько минут и достал второй аппарат. «Господа, будьте точны в определениях, – усмехнулся он про себя. – Ты, братец, сказал, что я обязан отдать тебе телефон, но ты ведь не говорил, что я обязан не разговаривать по телефону». Повернувшись боком к стеклянной перегородке, он прижал телефон плечом к уху так, что со стороны ничего не могло быть видно.

Быстро набрал домашний номер. Ответила младшая дочь.

– Где мама?

– Она поехала в аэропорт, встречать тебя.

– Передай маме, что у меня проблемы: меня задержали в аэропорту, – не дожидаясь ответа, он отключился, убрал телефон в карман.

Именно в этот момент в комнате появились несколько высоких мужчин. Явно старший из них по званию или по должности заявил:

– Мы представители женеvской полиции, я инспектор Кампиш. Господин Михайлов, у нас к вам несколько вопросов. Согласны ли вы ответить на них?

– Я согласен ответить на несколько ваших вопросов, – ответил Михайлов.

– В таком случае, я прошу вас пройти с нами. – И Кампиш извлек из-за пояса наручники, красноречиво расстегивая их.

– Вы считаете эту меру необходимой? – уточнил Михайлов. – Я ведь добровольно изъявил согласие ответить на ваши вопросы и не возражаю против того, чтобы ехать с вами.

– Это совершенно необходимая мера, господин Михайлов, – категорично заявил инспектор Кампиш. – Если вы не подчинитесь нам, мы вынуждены будем применить силу.

На следующий день во всех швейцарских и многих газетах других стран мира появилось сообщение об аресте в аэропорту Каунтрэн Сергея Михайлова. Каждый, без исключения, из репортеров счел своим долгом описать процедуру

ареста с такими подробностями, словно вся журналистская рать при этом присутствовала. И сцена зловещего защелкивания наручников на запястьях

«крестного отца» русской мафии» была воспроизведена со всеми возможными мельчайшими деталями. Тут, в этой сцене, были бесстрастные глаза полицейских, исполнявших свой священный долг, и протянутые вперед руки Михайлова. Не берусь ничего утверждать по поводу взглядов инспекторов женевской полиции, поскольку в глаза им не заглядывал. А вот протянутые руки действительно были. Правда, наручники на них не сразу защелкнулись. Когда Сергей протянул соединенные в запястьях руки, Кампиш отрицательно покачал головой.

– Нет-нет, господин Михайлов, руки – за спину!

Сергей понимал, что сопротивление в этой ситуации ни к чему не приведет, и лишь спросил:

– Но почему именно за спину? А если я не подчинюсь?

– Тогда мы применим силу, – вновь заявил Кампиш, и в подтверждение его слов двое инспекторов встали у Михайлова за спиной и крепко взяли его за руки – чуть повыше локтей.

Документы уголовного дела № Р 9980\96

Государственный и административный округ Женевы,
площадь Бург де Фур, 1.

Судебная власть Кабинет прокурора

Просьба собственноручно подписывать всю корреспонденцию, отправляемую на имя судьи.

Относительно: господина Михайлова Сергея.

На меня возложена обязанность провести уголовную процедуру по пункту отмыывания денежных средств (статья 305 уголовного кодекса), участие в криминальной организации (статья 260 УК), нарушение федерального закона о приобретении недвижимости иностранцами, нарушение федерального закона о проживании иностранцев в Швейцарии.

Я возбуждаю уголовное дело. Жорж Зекшен, суддебный следователь.

Судебная власть Кабинет прокурора
№ Р 9980\96 против Михайлова Сергея

Настоящим прошу господина шефа полиции поручить инспекторам Кампишу, или Ванеру провести переговоры с Московским бюро Интерпола по поводу полученных данных через ОССО от 18 октября 1996 года. Необходимо получить дополнительные данные об участии Михайлова Сергея в криминальной организации под названием «Солнцевская».

Необходимо указать, что данная информация должна быть использована для передачи дела судебному учреждению в России.

Жан Луи Кроше, прокурор.

Факс

Внимание: Шефа женеvской полиции Ваша ссылка: Операция «Наказание» Наша ссылка: ОССО 215010 KL

Объект: Михайлов Сергей Анатольевич, 07.02.58.

В ответ на ваш запрос от 16.10.96 по поводу данного лица информируем вас о нижеследующем. Наш офис получил сведения в генеральном секретариате Интерпола в Лионе, что наш запрос вызвал некоторые проблемы в Москве. Разные службы российской полиции не сошлись во мнении относительно информации, касающейся Михайлова Сергея, переданной швейцарским службам.

Московское отделение Интерпола считает Михайлова Сергея главой криминальной группы «Солнцевская» и очень опасной личностью.

Мы получили ответ из нашей центральной службы по борьбе с организованной преступностью следующего содержания:

«Михайлов Сергей, сын Анатолия, 07.02.58 год. Солнцево Московской области, зарегистрирован по адресу: Москва, ул. Новопеределкинская, 8—20, кличка Михась, фигурирует в оперативных файлах центральной службы по борьбе с организованной преступностью как лидер организованной преступной группы под названием «Солнцевская». Данное лицо долгое время не проживает в России, наша служба не располагает официальными материалами для его ареста. Спасибо за сотрудничество.

Интерпол, Москва.

Республика и кантон Женева

Департамент полиции, юстиции и транспорта Служба безопасности

Рапорт инспектора Ваннера – личный знак S7312.

Господину Зекшену, судебному следователю

Касательно: № Р 9980\96 господина Сергея Михайлова, организованная преступность

Проведение домашнего обыска

Господин судебный следователь поручил нам провести обыск в соответствии с Конкардатом по юридической помощи между кантонами по уголовным вопросам в доме Михайлова Сергея, а именно: Борекс, кантон Во, улица де Турнио, участок 12. В 8.30 утра мы прибыли вместе с господином Водрозом, офицером полиции, и господином Клерком Мишелем (представитель технической службы кантональной полиции. – О.Я.) по указанному адресу, чтобы провести обыск.

Мы прибыли на место вместе с переводчицей, пятью инспекторами, тремя жандармами с собаками, определяющими наличие взрывчатых веществ. Инструкторами с собаками, определяющими наличие наркотиков, тремя специалистами и фотографом и жандармом из кантона Во. Весь дом, подсобные помещения, гараж, технические помещения и бассейн были полностью обысканы. Жандармы сняли показания радиоактивности. Специалисты проверили сад с по-

мощью детектора по металлу. Ничего подозрительного не было обнаружено.

В подсобном помещении мы обнаружили множество документов, которые приобщены к описи имущества.

Две машины были перевезены в наш гараж, где их дополнительно осмотрели специалисты. Ничего подозрительного не было обнаружено.

Касательно: УД № Р 9980\96 против г-на Сергея Михайлова. Господин судебный следователь.

Я ссылаюсь на наш телефонный разговор от 30 октября 1996

года.

Господин Сергей Михайлов официально опровергает обвинения, которые в основном или даже исключительно основываются на общественных слухах и статьях в прессе. Средства массовой информации выставляют господина Сергея Михайлова в роли

«крестного отца» русской мафии». Мой клиент будет невозмутимо сохранять кодекс молчания в отношении разговоров о криминальной организации мирового масштаба.

Господин Михайлов стал жертвой данных клише, рассчитанных на широкую публику. Он хочет дать показания о своей профессиональной деятельности, банковских операциях, различных коммерческих проектах и доходах. Он предлагает вам приступить к обсуждению данных вопросов с рации

ональной точки зрения, а именно с заблаговременным уведомлением о том, какая тема будет обсуждаться. Учитывая огромный поток коммерческих сделок, заключенных господином Михайловым, он не всегда может сразу припомнить все детали. А потому мне кажется целесообразным и логичным предоставить ему дополнительное время перед обсуждением предполагаемого вопроса.

Вы упомянули о том, что собираетесь предпринять меру по сверхзадержке. Господин Михайлов обратил мое внимание и внимание господина Изенеггера на необходимость того, чтобы судебный следователь разрешил поверенным обвиняемого присутствовать на его собственных допросах.

Спасибо за внимание к моему письму. С уважением Поль Гулли-Харт, адвокат.

* * *

Женева, октябрь – ноябрь 1996 года.

Нигде и никогда, ни в одной из газет не упоминалось кодовое название, которое дали швейцарские полицейские операции по задержанию Сергея Михайлова. Его зашифровали столь надежно, что даже в материалах уголовного дела оно проскочило лишь единожды. «Наказание» – более кошунственное название и представить себе трудно. Еще только планируя операцию, запрашивая Интерпол и собственную информационную службу, полицейские, с подачи следственного судьи Жоржа Зекшена, предопределили суть всего то-

го беззакония, которое творилось на протяжении более чем двух лет. Никто из них в виновности Сергея Михайлова и не сомневался. Они были уверены, даже убеждены – арестован крупный международный преступник, чья вина заключается уже в том только, что он живет на белом свете, дышит одним с ними воздухом, отдыхает на тех же курортах. А коли так, то о каких доказательствах может идти речь. Надо наказать – и вся недолга.

Но вернусь к ночи 15-го, а вернее сказать, уже 16 октября. Было уже около двух часов нового дня, когда инспекторы вывели Михайлова из здания аэропорта и усадили в полицейский «мерседес». Кампиш уселся рядом с водителем, Михайлова усадили в середину на заднее сиденье. По бокам от него, не очень-то заботясь о его удобствах, разместились еще двое полицейских. Взыли сирены, разбрасывая ядовито-синие отблески, завращались мигалки. Сергей увидел, что одна машина следует впереди их «мерса», другая – позади. Разрывая темноту всполохами мигалок, этот кортеж из трех автомашин мчался по улицам ночной Женевы.

– Мы возем вас в полицейское управление, – не поворачивая головы, произнес Кампиш с переднего сиденья, словно отвечая на незаданный вопрос.

Сергей лишь кивнул головой, хотя инспектор этот кивок видеть не мог.

В полицейском управлении с него сняли наручники, и они ненадолго остались с Кампишем вдвоем в кабинете. Вскоре

появился еще один человек, который представился инспектором Ваннером. Начался допрос. Вопросы были, в основном, общего порядка: откуда приехал, куда направлялся? Где собирался жить и чем заниматься в Швейцарии?

– Я арестован? – поинтересовался Сергей.

– Нет, вы пока задержаны, – пояснил Кампиш. – И потому, господин Михайлов, я прошу вас откровенно ответить на мои вопросы. Не следует упрямиться и не следует ничего от нас скрывать.

– Хорошо, я не стану упрямиться, тем более что скрывать от вас мне нечего.

Кажущееся благодушие полицейских не обмануло Михайлова. Он видел, что, несмотря на улыбки, больше напоминавшие оскал, и нарочито расслабленные позы, инспекторы предельно собраны и сосредоточены. Так хороший боксер, нанося сокрушительный удар, без замаха бросает вперед расслабленную руку с почти открытой перчаткой и только за миллиметр до цели сжимает ее в кулак, концентрируя в нем всю мощь. Сам отменный спортсмен, Михайлов понимал, что сидящие напротив него люди готовятся именно к такому «удару» и лишь ждут, пока их противник, говоря языком боксеров, раскроется. И потому на улыбки он отвечал улыбкой. На вопросы – коротко и без каких-либо комментариев.

– Ну хорошо, господин Михайлов, я вижу, наша беседа вас уже утомила. Нужно дать вам возможность немного отдохнуть. Эту ночь вы проведете у нас, – сказал наконец Кам-

пиш.

Они спустились куда-то вниз, Михайлову выдали поролоновый матрас, одеяло и полотенце. Дверь камеры захлопнулась. Мягко щелкнул замок, и он наконец остался один. Разбудили его рано, принесли какой-то завтрак. Как Сергей позже ни силился, но так и не смог вспомнить, что он ел в то утро, 16 октября в камере внутренней тюрьмы женевского полицейского управления.

Его снова привели в тот же кабинет, и те же инспекторы – Кампиш и Ваннер – продолжили допрос. Снова натянутые улыбки, уважительное «господин Михайлов», те же самые, что и вчера ночью, вопросы. После нескольких часов беседы Кампиш спросил:

– Господин Михайлов, как вы отнесетесь к тому, что мы возьмем у вас отпечатки пальцев?

– Нет, я не позволю вам это сделать, – твердо заявил Михайлов.

– Что значит «не позволю»? – почти искренне изумился Кампиш. И все же изумления в его вопросе было чуть меньше, чем злорадства и превосходства человека, полностью распоряжающегося ситуацией. – Вы что же, предпочитаете, чтобы мы вызвали специальную группу?

– Вызывайте, – столь же категорично ответил Михайлов.

В этот момент дверь кабинета открылась и вошла средних лет женщина. Поздоровавшись со всеми на французском языке, она тут же обратилась к Сергею:

– Господин Михайлов, я переводчица, моя фамилия Агапьева, рада буду, если сумею вам чем-то помочь.

– Спасибо, госпожа Агапьева, – поблагодарил ее Михайлов. – Мне действительно нужна ваша помощь. Объясните этим господам, что я не собираюсь потакать их произволу.

Агапьева повернулась к полицейским, внимательно выслушала их, потом сказала, обращаясь снова к Сергею:

– К сожалению, это не произвол. Отпечатков пальцев они требуют у вас на вполне законном основании.

– Но позвольте, – возразил Михайлов. – Мне сказали, что я не арестован, а лишь задержан для выяснения некоторых обстоятельств. Никакого обвинения мне не предъявлено, на каком же основании на этой стадии у меня собираются получить отпечатки моих пальцев? Ведь существует закон, что отпечатки можно взять только у человека, которому предъявлено обвинение.

– Да, я знаю, что во многих странах такой закон существует. Но в Швейцарии свои законы, и наш закон позволяет взять отпечатки пальцев даже у задержанного человека до предъявления ему обвинений, – пояснила переводчица.

– Госпожа Агапьева, как я понимаю, вы являетесь официальным переводчиком, и если вы мне официально подтверждаете, что такой закон в Швейцарии существует, то я не собираюсь делать ничего такого, что бы противоречило закону, и соглашусь на эту процедуру.

– Господин Михайлов, я официально подтверждаю, что

такой закон у нас существует.

После неприятной процедуры его снова отвели в одиночную камеру внутренней тюрьмы. В тот момент он еще не знал, что уже все газеты мира пестрят сообщениями о его не задержании, а аресте, что многие, особо прыткие репортеры криминальной хроники уже прогнозируют скорую «победу женевской юстиции над русской мафией». Он не знал, что происходит дома, как успокаивает дочерей жена. И конечно же, он не знал, даже предположить не мог тогда, что его путь к свободе только начинается и будет этот путь длиной больше чем два года.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Утром 17 октября меня привезли в женевский Дворец правосудия. Здесь в одной из комнат меня встретил довольно молодежавый, франтовато одетый, с длинной и густой гривой волос субъект, который представился мне как судебный следователь Жорж Зекшен. Вернее, представила мне его переводчица госпожа Бийо. Я сразу отметил, что русским языком госпожа Бийо владеет намного хуже, чем мадам Агапьева, которая переводила накануне. Но даже из этих весьма неумелых и, как я имел впоследствии возможность не раз убедиться, довольно неточных переводов я понял, что следователь преисполнен сарказма. Он растягивал слова, подкрепляя их жестикуляцией, то и дело поправлял свою шеве-

люру. Допрос проводился в присутствии адвоката, которого, как он сам сказал, нанял мой компаньон. Первым делом этот человек предупредил, что его гонорар составляет 500 швейцарских франков (385 долларов США. – О.Я.) в час. После этого адвокат, вероятно, решил, что его миссия полностью исчерпана, и лишь равнодушно, совершенно ни во что не вмешиваясь, наблюдал за происходящим. Мне пришлось уже вскоре от этого адвоката отказаться. Но в тот момент и равнодушный ко всему адвокат, и постоянно кривляющийся следователь меня раздражали, я чувствовал, что это раздражение мешает мне сосредоточиться. В конце концов я взял себя в руки и стал спокойно парировать все вопросы следователя в его же манере, отвечая сарказмом на сарказм. Видно, это ему не понравилось, и он решил обострить ситуацию. Как раз в тот момент речь шла о моих многочисленных поездках. Разумеется, я не скрывал, что занимаюсь международным бизнесом, и не видел никаких оснований скрывать свои передвижения. Поначалу никакого подвоха я в этих вопросах не замечал. Но потом последовал вопрос о том, когда я ездил в Америку, в каких городах бывал и что делал. Я ответил, какого числа, месяца и года прилетел в США, рассказал, что у меня были деловые встречи в Нью-Йорке, после чего я поехал в Майами, где отдыхал... На этом месте Зекшен меня перебил и воскликнул: «Посмотрите на него. Ему мало Черного моря, он ездит отдыхать на океан!»

Я сдержался от язвительной реплики и спокойно ответил:

– Господин следователь, если вы будете меня перебивать, то никогда не узнаете истины. Вы меня не дослушали. Я действительно отдыхал в Майами два дня, а потом продолжил работу, и у меня были встречи по бизнесу.

Эта фраза мне понадобилась, чтобы хоть немного сбить спесь со следователя. На самом же деле мне все стало ясно и понятно. Не хвляясь, скажу, что у меня достаточно обостренная интуиция. Никакой своей заслуги я в этом не вижу, поэтому говорю об этом так спокойно и уверенно. Есть люди с обостренной интуицией, есть такие, у кого интуиция, ну скажем, развита не так сильно. Я своей интуиции привык доверять, хотя никогда не спешу делать о людях скорые выводы. Однако и в силу первого восприятия верю. Относительно следователя Зекшена мне стало все ясно после его фразы о том, что мало мне Черного моря и я отправился отдыхать на океан. Он ведь, этот господин из Женевы, был оскорблен в своих самых лучших чувствах и оскорбление скрывать не счел нужным. Какой-то русский, более обезьяна, нежели человек, посмел отправиться туда, куда путь открыт только представителям высших рас. Я не увидел, я седьмым чувством ощутил его ненависть ко мне, и вот в тот самый миг я понял, что просто так он меня отсюда не выпустит, что именно этот человек постарается любыми путями доказать, что я злодей и мое место за решеткой.

После этого эпизода я моментально установил своеобразные рамки этого допроса. Заявил следователю, что отвечу

на все его вопросы относительно Швейцарии и не собираюсь отвечать ни на один вопрос, касающийся моей деятельности вне этой страны.

– Я в вашей стране иностранец, и будьте любезны относиться ко мне, как к иностранцу, – заявил я Зекшену.

Ему такой оборот дела, конечно, не понравился, и вскоре он завершил допрос. В этот день меня также отправили во внутреннюю тюрьму полицейского управления. Но уже на следующий день я оказался в женевской тюрьме Шан-Долон. Перед этим Зекшен объявил, что против меня возбуждено уголовное дело и я обвиняюсь в отмывании денег, причастности к организованной преступности, нарушении правил проживания иностранцев в Швейцарии и нарушении правил приобретения иностранцами недвижимости.

* * *

В следственную тюрьму Шан-Долон Сергея Михайлова отправили утром 17 октября. В машине было несколько заключенных. Однако никто из них не делал ни малейшей попытки заговорить ни друг с другом, ни с охраной. После короткой процедуры оформления Сергей оказался в просторной комнате с большим окном. Решетки на окне не было, но стекло тонировано таким образом, что через него проглядывал лишь небольшой клочок пасмурного неба. В камере – кровать, привинченный к полу стол, довольно вместительный, изготовленный из фанеры платяной шкаф, отгорожен-

ный туалет. Уже на следующий день жена передала Сергею белье, кое- что из одежды. Он с удовольствием переоделся в спортивный костюм, так было удобнее.

Следственная тюрьма Шан-Долон построена сравнительно недавно и вмещает максимум 250 заключенных. В камерах сидят по несколько человек, но количество их не превышает восьми. Большинство из них иностранцы. Швейцарцев буквально единицы, в основном сидят они за различные экономические преступления и потому в следственной тюрьме подолгу не задерживаются. Заключенные очень общительны меж собой. Исключение составляют разве что итальянцы и албанцы, которые предпочитают общаться только друг с другом.

При поступлении каждому заключенному вручается брошюрка, рассказывающая о правилах пребывания. Эта инструкция здесь имеется на всех языках, на которых говорят обитатели Шан-Долона. На русском языке она была издана в феврале 1994 года и, хотя с тех пор правила претерпели некоторые изменения, представляет, на мой взгляд, достаточный интерес, чтобы процитировать из нее отдельные места.

«(Русский)»

Тюрьма Шан-Долон
Правила пребывания

К ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

Дирекция ОГЛАВЛЕНИЕ:

Общая информация о тюрьме Юридическая информация

Служба медицинской помощи Служба социальной помощи

Священнослужение

Служба по приведению приговора в действие и меры наказания

Дамы и Господа

Вы находитесь в тюрьме Шан-Долон, которая в принципе является тюрьмой предварительного заключения.

Ваш почтовый адрес:

22, chemi CHAMP-DOLLOMP

CH-1226 ТНОЕХ

По прибытии вы можете получить бумагу и почтовые конверты для извещения ваших родственников или друзей. Если у вас нет денег, то администрация тюрьмы готова оплатить почтовые расходы, разумеется, в разумных пределах.

Также вы получаете: ручку, зубную щетку, зубную пасту, мыло, бритву, расческу. В случае отсутствия у вас денег возможно обновление вышеперечисленных вещей.

Начальник блока или его заместитель обязательно в ближайшее время встретятся с вами. Тюремный персонал постарается ответить на все ваши вопросы, но не забывайте, что в тюрьме вы не одни.

Деньги

Ваши деньги помещаются на счет, открытый на ваше имя в нашем кассовом отделе. В случае, если ваши деньги не заблокированы по постановлению суда, вы можете распоряжаться ими по вашему усмотрению

Ценные вещи

Мы вам советуем, если вы этого еще не сделали, сдать ценные вещи в нашу канцелярию, так как в случае воровства, пропажи или утери из камеры тюрьма ответственности за пропавшее не несет.

В камере

Вы обязаны содержать в порядке и чистоте камеру, а также следующие предметы:

2 одеяла

2 простыни

1 наволочка

1 большое полотенце

1 маленькое полотенце

1 полотенце для посуды

1 подушка

1 суповая ложка

1 кофейная ложка

1 вилка

1 нож

1 пластиковый стакан

Вы можете получить каталог бакалеи и моющих средств.

Начальник блока

Он обходит каждое утро все камеры около 7.00. Именно его в первую очередь вы обязаны уведомить о ваших проблемах.

Телефон

Телефонные разговоры запрещены, но в случае другой возможности контакта с вашей семьей или в профессиональных целях вы можете получить специальное разрешение, заполнив спецформуляр, который выдается начальником блока. Телефонные разговоры возможны только при наличии денег на вашем счету.

Передачи

Передачи проверяются. Для вашего удобства сообщите вашим посетителям, что они могут положить деньги на счет для того, чтобы вы могли выписывать продукты из нашего магазина. Ваши посетители также могут покупать для вас все необходимое напрямую у нас.

Алкоголь

Напитки, содержащие алкоголь, запрещены.

Бакалейный магазин

При наличии денег и заполнив формуляр, вы можете приобрести любые продукты, фигурирующие в каталоге тюремной бакалеи.

Работа

Вы можете направить в письменном виде запрос заведующему трудовой деятельностью в тюрьме о поиске для вас рабочего места.

Спорт

Начальник блока сообщит вам о возможности спортивной деятельности на вашем этаже. Также вы можете использовать один час в неделю для занятий спортом в большом спортивном зале.

Строго запрещается

Бросать предметы из окон категорически запрещено.

Аудио-, видеотехника

Разрешены аппараты:

Радиоприемники

Телевизоры

Кассетные магнитофоны

Эту технику можно купить или взять напрокат в тюрьме, получить извне.

Все приборы, позволяющие запись или передачу информации, запрещены.

Диагональ телевизора не должна превышать 47 см. Вы можете выписывать музыкальные кассеты.

Стирка

Нижнее белье и носки вы стираете сами в камере. Начальник этажа вам выдаст стиральный порошок.

Вы имеете возможность передать вашу одежду тем, кто наносит вам визит. При этом одежду вы помещаете в пакет и передаете надзирателю. На пакете вы должны отметить ваше имя, фамилию и номер камеры.

Вы можете отдавать одежду для стирки в нашу бесплатную прачечную. Но мы не несем ответственности за кражу, потерю, исчезновение вашего имущества из прачечной.

При желании возможна платная химчистка. Вы должны заполнить специальный разовый листок и сдать его в понедельник в 8.00 начальнику вашего блока.

Медицинская помощь

Мы вас ставим в известность, что каждый заключенный может получить общую медицинскую консультацию у дипломированных специалистов. Дежурный врач может организовать встречу с любым медицинским специалистом, ко-

которые регулярно навещают нашу тюрьму. Заключение, которые желают получить квалифицированную медицинскую консультацию, должны обратиться к администрации тюрьмы в письменном виде, желательно с изложением мотивов. Это обращение вы должны опустить в специальный ящик со знаком креста, которые есть в каждом блоке. Ответ вы получите в течение ближайших 48 часов. Конфиденциальность гарантируется.

В случае необходимости срочного медицинского вмешательства члены персонала придут вам на помощь. Независимо от тюремного режима, в котором вы находитесь.

Священнослужение

Для сердца в тюрьме все двери открыты.

Необязательно быть верующим, чтобы позвать нас на помощь!

Священники не зависимы от тюремной администрации. Вы можете с ними встречаться наедине, в их кабинете. Вы можете попросить встречу в любую минуту, также вы можете переписываться со священниками.

Служба по приведению приговора в действие

Мы вам сообщаем, что по статье 38 уголовного кодекса Швейцарии вы можете добиться условного освобождения после двух третей срока вашего наказания. Наша служба подготавливает необходимые документы за несколько

недель до истечения двух третей вашего срока. Обратившись к нам, вы можете рассчитывать на полную поддержку.

Директор тюрьмы Шан-Долон Жак Реймон. Заместитель директора Джордж Ла Праз».

* * *

В 5.30 утра в камеру заглядывает надзиратель – гардиан (буквальный перевод с французского – вратарь. – О.Я.). Ему достаточно убедиться, что заключенный на месте, и в таком случае он даже двери камеры не открывает. В 7.30 развозят завтрак. Каждый из обитателей Шан-Долона выбирает себе по вкусу молочные продукты – йогурты, кефир и так далее. Ближе к полудню в коридорах накрываются столы на обед. Усаживаются в каждом коридоре человек по 30—40. Обед состоит из нескольких блюд, качество продуктов и уровень приготовления ничуть не уступают приличному ресторану. Так кормят далеко не во всех швейцарских тюрьмах – Шан-Долон недаром считается тюрьмой образцовой. Чистота здесь, скорее, напоминает больничную, все сияет и блестит. Уборка камер производится самими заключенными. Белье большинство из них предпочитают стирать сами, а одежду отдают в прачечную. Гардианы с подследственными исключительно любезны – так предписывает инструкция, следовательно, если кто-то из надзирателей инструкцию нарушит, то заметивший это нарушение коллега не преминет сообщить начальству, не видя в этом для себя ничего зазор-

ного. У любезности есть и материальная основа. Рядовой тюремный служащий поначалу получает от шести до семи тысяч швейцарских франков (до 3400 долларов США. – О.Я.), а после некоторой выслуги лет эта сумма может увеличиться до 10 000 франков. Кроме того, служащие тюрем получают в свое распоряжение автомобиль. Пользуются значительными социальными льготами и накопительными программами, обеспечивающими их старость.

Одним словом, гардианам есть, ради чего стараться, они и стараются. Если кто-то из заключенных по какой-либо причине жалуется на сокамерника, то его непременно переводят в другую камеру.

Никакого особого режима для заключенных не существует. Нет ни подъема, ни отбоя. Можешь хоть весь день валяться в койке или ночь напролет смотреть телевизор.

Каждому вновь поступившему в тюрьму Шан-Долон здесь немедленно открывается расчетный счет, на который родственники или друзья могут перевести деньги. Счет обычный. Нигде не указано, что он относится к тюрьме. Некоторые заключенные не сообщают своим родственникам, что находятся в тюрьме, и те переводят деньги в полной уверенности, что у близкого человека просто возникли временные материальные затруднения. В тюремном магазине можно купить продукты, в том числе разнообразные фрукты, предметы личной гигиены, любые сигареты, напитки (кроме спиртных), кое-что из одежды и обуви. В тюрьме Шан-До-

лон также можно купить телевизор и магнитофон, а радиоприемники установлены в камере. Впрочем, и у тех, кому денег на тюремный счет не присылают, есть способ поправить свое материальное положение. Можно выбрать себе работу по вкусу – заниматься уборкой тюремных помещений, работать в прачечной, на кухне, в различных мастерских. В месяц каждый заключенный, решивший работать, может получить до тысячи швейцарских франков. Работать здесь зазорным не считается. В Шан-Долоне вообще никаких преступных иерархий не существует, общая атмосфера доброжелательности распространяется здесь на всех.

После обеда и ужина, который длится полтора часа, с 17.00 до 18.30, заключенные могут поиграть в пинг-понг или просто о чем-то поговорить. Неизвестно, есть ли в коридорах подслушивающие устройства, но инструкция, во всяком случае, запрещает надзирателям слушать, о чем говорят заключенные.

В тюрьме Шан-Долон есть и женское отделение. Оно находится в одном корпусе с мужским, но в обособленном коридоре. По инструкции, встречи женщин и мужчин запрещены. Но иногда они встречаются в коридорах во время сопровождения к адвокату или к следователю и успевают перекинуться парой слов, в основном узнать имя друг друга. Надзиратели к этой вольности относятся весьма терпимо.

Раз в неделю подследственным предоставляется возможность час-полтора заниматься в спортзале, и еще раз в неде-

лю на открытой площадке во дворе они могут поиграть в футбол.

Конечно, от того, что клетка золотая, она не перестает быть клеткой, но, как говорится, если из двух зол выпадает меньшее, то оно и благо.

Сергей свой тюремный быт наладил довольно быстро. Все гардианы признавали, что камера русского отличается особой чистотой. Не терпящий беспорядка, он и в камере не позволял себе расслабляться. Сергей не курит. Но в камере у него всегда было несколько пачек сигарет. За столь скромные подарки он получил дополнительное ведро и оборудовал себе в туалете некое подобие душа, который в жару просто спасал его. У него появились тряпки и швабры, он надраивал линолеум на полу своей камеры до зеркального блеска, по нескольку раз в день вытирал пыль, не ленился дважды, а то и трижды за день выносить пластиковый пакет с мусором.

Когда Сергей впервые получил список продуктов из тюремного магазина, то был поражен ассортиментом продуктов – несколько сортов колбасы, разнообразные консервы, многое другое. В графе «фрукты» значилось – любые. Стояла глубокая осень, он засомневался, что написанное соответствует действительности, и стал вносить в заказ все, что приходило в голову: арбуз, ананасы, виноград, абрикосы и многое другое, что только мог вспомнить. Каково же было его удивление, когда на следующий день гардиан подкатил к его камере сразу несколько тележек и, пыхтя от натуги, стал

разгружать ящики. Когда он закончил, в камере негде было повернуться. Сергей попросил служителя оставить до вечера тележки в коридоре и перед ужином сгрузил все фрукты и поставил их на общий стол.

Белье и одежду стирал он себе сам, много читал. Не меньше часа занимался в камере гимнастикой. Не упускал возможности поиграть в пинг-понг, пойти в спортзал. Собственно, обедами, ужинами и раз в неделю посещениями спортзала и ограничивалось все его общение с заключенными. Даже общих прогулок и игр в футбол заключенный Михайлов был лишен. Убийцы, грабители, мошенники, торговцы наркотиками и весь прочий тюремный люд выходили на прогулку. Вместе гоняли мяч, и лишь один-единственный обитатель следственной тюрьмы Шан-Долон отправлялся на прогулку на крышу, затянутую металлической сеткой. Со двора доносились чей-то смех, гомон, глухие удары мяча, и от этих звуков на душе становилось еще муторнее. За два с лишним года он ни разу не ступил на землю. Об этом позаботились следственный судья Жорж Зекшен и прокурор Жан-Луи Кроше.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сергей МИХАЙЛОВ:

Я вспомнил увиденный первый раз еще в детстве фильм «Мертвый сезон». Там советский разведчик Ладейников, которого прекрасно сыграл Банионис, говорит: «Ганди сказал

однажды: “Никто не может считать себя полноценным человеком, не отбыв какой-то срок в тюрьме. Кажется, у меня впервые в жизни будет возможность спокойно поразмышлять”». Трудно спорить с великими, тем более что тюрьма действительно добавляет человеку какого-то опыта. Правда, весьма специфического. Что касается возможности поразмышлять, то действительно – если на что у меня времени в женевской тюрьме хватало, так это на размышления. Я довольно часто вспоминал свою семью, маму, которой с нами уже нет, думал об отце, беспокоился о его здоровье. Отец у меня долгие годы служил в армии, потом, до самой пенсии, работал водителем. Человек он твердых устоев, принципиальный, и я считаю, что многое в моем характере от него. Не могу сказать, что я упрям, но если решение принял и твердо убежден, что оно правильное, то переубедить меня трудно. Конечно, какие-то качества воспитала во мне и мама. Она была сердобольным человеком, никогда не оставалась равнодушной к чужой беде. Работала мама в торговле, а последние годы возглавляла коммерческий отдел райисполкома. Ее в нашем районе очень ценили. Вероятно, коммерческая жилка во мне от нее. После окончания школы служил в армии, учился на курсах администраторов, потом в Институте пищевой промышленности. Работал администратором гостиницы «Советская», ответственным за распределение питания среди иностранцев. В 1984 году меня арестовали. Тогда время было особое – андроповские ставленники повсю-

ду на-водили свои порядки. Тюремное наказание мне отбывать не пришлось, на работу в Калининскую область меня отправили. Сменилась власть, мое дело было пересмотрено, и приговор суда был изменен. В те годы я наивно полагал, что власть исправила ошибку. Возможно, со стороны исполнителей так оно и было. Но система никому никаких ошибок не прощает и крепко хранит их в своей памяти. Это сфабрикованное против меня дело, хотя впоследствии судимость и была снята, позволяет моим недругам постоянно твердить о моем якобы уголовном прошлом. Газеты мне в тюрьму Шан-Долон доставляли довольно регулярно, и я поражался тому, что почти в каждой статье упоминали эту историю двенадцатилетней давности, используя ее чуть ли не как самый главный аргумент того, что у меня преступное прошлое.

Глава вторая

ШИТО БЕЛЫМИ НИТКАМИ

Документы уголовного дела № Р 9980\96

Солнцевская межрайонная прокуратура

№ Н-16

...сообщаю, что в соответствии со ст. 57 УК РФ гр. Михайлов Сергей Анатольевич, 1958 г. р., прописанный по адресу: г. Москва, ул. Новопеределкинская, д. 8, кв. 20, является лицом не имеющим судимости.

Прокуратурой Михайлов С.А. к уголовной ответственно-

сти не привлекался.

Солнцевский межрайонный прокурор г. Москвы советник юстиции Кисель В.В.

Генеральная прокуратура Российской Федерации За номером 1-222

...сообщаю, что сведений о господине Михайлове Сергее Анатольевиче, год рождения 1958, прописан в г. Москва, ул. Новопеределкинская, дом 8, квартира 20, в Следственном отделе Министерства по делам общественности Российской Федерации не имеется.

Сотрудники следственного управления, а также другие следственные подразделения Прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Министерства внутренних дел, Федеральные службы безопасности (ФСБ) и Налоговая полиция Российской Федерации не располагают сведениями о том, что против господина Михайлова возбуждалось уголовное дело.

Начальник следственного отдела

Государственный советник юстиции 3-го класса В.И. Казаков.

Республика и кантон Женева

Департамент полиции, юстиции и транспорта Рапорт инспектора Ваннера – личный знак S7312 Господину начальнику службы безопасности полиции

Господину судебному следователю Зекшену

Касательно: № Р 9980\96. Дело господина Михайлова, организованная преступность.

Господин судебный следователь передал мне копию документа с переводом и попросил узнать у Интерпола о достоверности этого документа и о компетентности господина Казакова В.И. из следственных органов Российской Федерации. По просьбе представительства Интерпола в Москве этот документ и его перевод были отправлены в ОССОО. Копия данного документа была также отправлена в комиссариат СКУБАК (инспектор Ваннер имеет в виду канцелярию начальника отдела РУОП г. Москвы по фамилии Скубак. – О.Я.), сотрудники которого имеют надежные отношения с полицией кантона Цюрих.

По поводу подписи упомянутого документа сообщаю следующее. На самом деле существует человек по фамилии Казаков Василий Иванович, год рождения 18.01.1927. Он является народным депутатом с 1991 года.

Приложение к рапорту.

Казаков Василий Иванович, российский политик. Родился 18 мая 1927 года.

1953 г. – заочно закончил Всесоюзный институт инженеров. 1944—1954 годы – мастер, начальник цеха на Ленинградском

машиностроительном заводе.

Член КПСС.

1947—1991 годы – инструктор, начальник отдела городского комитета КПСС Ленинграда.

1970 год – член Центрального комитета КПСС, председатель Исполнительного комитета Ленинграда по делам трудящихся.

1970—1973 годы Заместитель председателя Совета министров РСФСР, вышел на пенсию.

Депутат высшего Совета РСФСР 8-го, 9-го, 10-го и 11-го созывов, награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина.

Простим огрехи нелепого документа, представленного следствию полицейским инспектором Ваннером. Где он раздобыл это чудо служебного бумаготворчества, знает, должно быть, он один. Если верить данному «документу», то получается, что Василий Иванович Казаков одновременно работал в Ленинградском горкоме КПСС и был заместителем председателя Совмина РСФСР. В этот же самый период, вероятнее всего, в свободное от работы на партийном и советском поприще время, он успевал сбегать на машиностроительный завод, где, по-видимому, подрабатывал мастером и начальником цеха. Пусть простит мне Василий Иванович эту язвительность, тем более что к делу Михайлова он не имеет никакого отношения и в это повествование попал лишь по нелепой случайности. А впрочем, по нелепой ли?

Швейцарские следственные власти послали запрос в

Москву с просьбой установить степень компетентности начальника следственной части Генпрокуратуры России В.И. Казакова. Владимир (но отнюдь не Василий) Иванович Казаков в правоохранительной системе России фигура настолько заметная, что перепутать его с каким-либо однофамильцем было попросту невозможно. Ответить швейцарцам, что начальник следственной части прокуратуры РФ – лицо, не компетентное подписывать официальные письма, чиновники не могли, это означало бы явную ложь. И тогда швейцарцам подсунули биографию российского политика Василия Ивановича Казакова. Разбирайтесь, мол, в нашей бюрократической мешанине сами – компетентен бывший зампред Совмина РСФСР подписывать исходящие из прокуратуры бумаги или нет. Самое парадоксальное, что следователь Зекшен и прокурор Кроше и этот документ сумели использовать в качестве компромата против Михайлова, сделав глубокомысленный вывод, что политик Казаков не имел права подписывать документ, адресованный следствию. А раз так, то Казакова подкупили «солнцевские» и он состряпал бумагу в защиту Михайлова.

Тогда, в самом начале долгого следственного пути, и Михайлову, и его адвокатам такое отношение Зекшена к документам казалось по меньшей мере странным. Спустя несколько недель стало ясно: следователя устраивают любые подтасовки, сколь бы нелепо они ни выглядели. Сказать, что состряпанное Зекшеном и Кроше дело было шито белыми

нитками, значило бы не сказать ничего. Полагаю, во всех жевневских магазинах не хватило бы белых ниток, дабы использовать их в инспирированных против Михайлова обвинениях. Стоило в деле появиться документу, так или иначе, прямо или косвенно свидетельствующему в защиту Сергея Михайлова, как Зекшен заявлял, что это не что иное, как происки русской мафии. В любой стране органы юстиции признают аффидевиты – нотариально заверенные или данные под присягой документы. Сергей Михайлов стал единственным в мире исключением.

Документы уголовного дела № P9980\96

Управление полиции

Рапорт инспектора Ваннера Документ № 96.624.715.22

Господину начальнику службы безопасности полиции

Господину судебному следователю Зекшену

Касательно: уголовного дела Михайлова Сергея, организованная преступность

По распоряжению судебного следователя, 7-го, в четверг, и 8-го, в пятницу, ноября 1996 года мы забирали подозреваемого из тюрьмы Шан-Долон для проведения допросов и для выяснения следующих деталей, а именно:

происхождение финансовых средств;

время, на которое он приезжал в Швейцарию; способы получения израильского паспорта;

все вопросы, способствующие продвижению следствия. Михайлов отказался отвечать на все вопросы без своих адвокатов. Он даже не ответил на вопросы о своем пребывании и пребывании своей семьи в Швейцарии. Однако мы его предупредили о том, что проводили слушание его жены. Мы ограничились тем, что поспорили с ним. Мы посчитали ненужным составлять письменный отчет о допросе.

Мы подчеркиваем тот факт, что в ходе беседы 8 ноября, в пятницу, обвиняемый высказал инспектору Кампишу следующее:

«Я ничего больше не знаю о вашем деле, а вы мне не верите».

Обвиняемый должен был вернуться в наш отдел в понедельник, 11 ноября, однако он отказался покинуть тюрьму Шан-Долон.

Подписи: инспектор Ваннер инспектор Кампиш.

Касательно: расследования УД № P9980\96 против г-на Сергея Михайлова

Господин судебный следователь,

в пятницу 8 ноября 1996 года инспектора полиции провели допрос нашего клиента... На нашего клиента оказывалось давление с целью получить информацию... Допрос был снят на видеокамеру, но протокол не был составлен.

В понедельник 11 ноября 1996 года, в 8 часов утра представители полиции безопасности пришли в тюрьму Шан-До-

лон с целью провести новый допрос. Господин Изенеггер, который в это время проводил совещание с господином Михайловым, решительно выступил против нового допроса, и он не состоялся.

Принимая во внимание, что вы строго соблюдаете нормы проведения уголовного расследования, я напоминаю вам о статье 164 уголовно-процессуального кодекса Женевы, в которой говорится о том, что:

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИБЕГАЕТ КО ВСЕМ СПОСОБАМ СБОРА УЛИК, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ НАСТОЯЩИМ КОДЕКСОМ, В ТОЙ МЕРЕ, ПРИ КОТОРОЙ ОНИ СЛУЖАТ ДЛЯ ОТКРЫТИЯ ПРАВДЫ,

и о статье 165 уголовно-процессуального кодекса Женевы, где говорится, что:

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, УГРОЗЫ, ОБЕЩАНИЯ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЙ ИЛИ ЗАЯВЛЕНИЙ.

По всей видимости, описанные выше сцены допроса не соответствуют законным требованиям. Мы не можем представить, что вы дали разрешение на такие методы, и, принимая во внимание то, что вы сами руководите расследованием, мы убедительно просим вас прекратить подобные допросы и не повторять их в будущем.

Мы пересылаем копию настоящего письма господину прокурору Жану Луи Кроше в силу действия статьи 206 уголов-

но-процессуального кодекса Женевы, ибо службы полиции находятся в его ведении.

Господин Михайлов намерен подать жалобу. С уважением
Адвокаты: Поль Гулли-Харт Ральф Освальд Изенеггер

Республика и кантон Женева Судебные органы
Офис судебного следователя Почтовый ящик 3344
Женева, 12 ноября 1996 года Площадь Бург де Фур, 1.

Господину Поль Гулли-Харту, адвокату Господин,
я получил ваше письмо, содержание которого меня очень заинтересовало.

Руководствуясь сведениями, полученными мною от инспекторов полиции, которым было поручено вести следствие, я делаю вывод, что действия были корректными и профессиональными. Кроме этого, они точно соблюдали переданные мной инструкции от 5 ноября 1996 года.

Я считаю этот вопрос закрытым. С уважением
Судебный следователь Ж. Зекшен

Те, чьи действия судебный следователь Зекшен определил как

«корректные и профессиональные», были уже известные Сергею полицейские Кампиш и Ваннер. О, они действительно были профессионалами своего дела. Сами внешне невозмутимые, они строили тактику допроса таким образом, чтобы вывести Михайлова из себя. Немудреную эту тактику

Сергей разгадал практически сразу и твердо решил не давать своим мучителям ни малейшего повода насладиться плодами своих издевок.

...8 ноября 1996 года его разбудили затемно. «На допрос, господин Михайлов», – пояснил тюремщик, словно извиняясь. Сергей наспех умылся и отправился вслед за служителем длинным коридором. Когда он вошел в кабинет полицейского управления, часы показывали только 6 утра. В кабинете никого не было. Стрелки часов продолжали свой мерный ход, час тянулся за часом. Лишь в полдень в кабинет явились Кампиш и Ваннер.

– Пришлось ждать переводчицу, – сказал Кампиш. – Надеюсь, господин Михайлов, вы к нам не в претензии, в Женеве не так – то легко найти человека, хорошо знающего русский язык.

Через несколько минут в кабинет вошла уже знакомая Сергею переводчица Корин Бийо. Начался допрос. Ваннер и Кампиш поочередно спрашивали у Михайлова, как он может объяснить тот факт, что у него дома обнаружено 47 тысяч швейцарских франков, о том, сколько времени он находился в Женеве, как получил израильский паспорт. После каждого вопроса Сергей заявлял, что отказывается отвечать в отсутствие адвокатов.

Исчерпав вопросы, Кампиш решил прибегнуть к тактике угроз:

– Послушайте, господин Михайлов, нам ведь и без ваших

признаний все известно. По сути дела, все уже решено, и вы получите пять лет тюрьмы. Вам ничего не поможет, и никто за вас не заступится. В Москве, как только узнали, что вы арестованы, во главе вашей организации тут же встал другой человек. Понимаете, вы для них больше никто, и ни на чью помощь вам рассчитывать не приходится. Однако подумайте о своей жене, о детях. Ведь ваши дочери учатся в швейцарской школе, они получают хорошее образование, а вы им вредите. Если вы откажетесь помогать следствию, мы вынуждены будем выслать вашу семью из Швейцарии.

Подождав несколько минут и убедившись, что Михайлов никак не отреагировал на его слова, Кампиш распорядился отправить подследственного в изолятор. Продержав Михайлова там три часа, он снова вызвал его. Но на сей раз лишь для того, чтобы сообщить, что допрос окончен.

Это было в пятницу. В субботние и воскресные дни допросы в Швейцарии проводить запрещается, и на два дня следователи оставили его в покое. Но в понедельник Кампиш и Ваннер заявили в Шан-Долон в восемь часов утра. Они не сомневались в том, что сумеют продолжить допрос, но буквально на несколько минут раньше сюда приехал адвокат Михайлова Ральф Изенеггер. Познакомившись во время одного из своих путешествий с молодой москвичкой и женившись на ней, Ральф Изенеггер довольно сносно овладел русским языком. Общаться с ним было Сергею гораздо проще, чем с другими адвокатами. Узнав, что его подзащитного

вновь хотят увести на допрос, Изенеггер запротестовал:

– Вы применяете к моему подзащитному тактику угроз и шантажа, и мы обжаловали ваши действия у судебного следователя и прокурора, – заявил адвокат полицейским. – Кроме того, вы уводите моего подзащитного для допроса в слишком раннее время, не поставив в известность его адвокатов. Это недопустимо! Я категорически возражаю против такой формы допросов.

Выслушав гневную тираду адвоката, полицейские предпочли ретироваться.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

С самого начала адвокат Поль Гулли-Харт был категорически против того, чтобы я отвечал на вопросы следователя и полицейских. Он считал, что, используя свое право на молчание, я предоставлю адвокатам широкое поле деятельности и дело вскоре будет закрыто. Именно в этой позиции мы с господином Гулли-Хартом общего языка не находили. Я считал, что мне нечего скрывать и своими ответами на вопросы следователей я, наоборот, как можно быстрее внесу ясность.

Не скрою, поначалу поведение полицейских казалось мне вполне лояльным. Они всячески подчеркивали, что лишь исполняют свой долг. После одного эпизода я даже проникся некоторой симпатией к Кампишу. Когда в доме, который мы

с семьей арендовали, произвели обыск, то было обнаружено 47 тысяч швейцарских франков. Как каждый россиянин, я предпочитал всегда иметь наличные, нежели пользоваться кредитными карточками и чековыми книжками. С наличными было как-то привычнее. Так вот, Кампиш, внося в протокол обнаруженные при обыске деньги, спросил меня: «Господин Михайлов, ваша семья остается в Женеве, им понадобятся деньги. Сколько денег оставить вашей жене?» – «А сколько бы вы оставили своей жене в подобной ситуации?» – ответил я вопросом на вопрос.

Кампиш призадумался, потом отсчитал восемь тысяч франков (чуть более шести тысяч долларов США. – О.Я.) и оставил эти деньги на столе. Этот жест, скажу честно, меня растрогал, я решил, что полицейские действительно лично против меня ничего не имеют, а лишь выполняют свой служебный долг. Лишь несколько месяцев спустя, пообщавшись в Шан-Долоне со швейцарцами из тюремной администрации, я понял, что этот жест Кампиша был не более чем проявлением вечной склонности швейцарцев к подсчетам. И уж не кто иной, как Кампиш уже вскоре дал мне понять, что его озлобленность против меня лично заставляет его даже нарушать закон. Эти злосчастные 47 тысяч, которые мы с женой и не думали прятать, мои поездки по всему миру, то, что я и не думал скрывать, что являюсь состоятельным человеком, – все это вызывало его злобу. Так же, как для Зекшена и Кроше, для Кампиша и Ваннера русские люди –

это люди второго сорта. И уж какие могут быть церемонии с такими «недочело-веками».

Но вернусь все же к моей тактике на допросах. Я уже говорил, что, считая, что мне скрывать нечего, довольно охотно отвечал поначалу на вопросы следователей. Но уже вскоре понял, что это не вопросы, направленные на установление истины, а коварные ловушки. На допросах следователи постоянно интересовались моими контрактами. Не имея под рукой никаких документов, как я мог вспомнить конкретные даты, цифры, имена? Ведь речь шла в том числе и о контрактах, заключенных и осуществленных мною несколько лет назад. Разумеется, я сказал, что к таким вопросам мне нужно подготовиться. Об этом писали в своих ходатайствах и адвокаты. Но следователи не желали их слушать, они настаивали, чтобы на все их вопросы я отвечал немедленно. Более того, судебный следователь Жорж Зекшен вынес постановление о

«сверхзадержке» моего дела. Этот швейцарский юридический термин в переводе на обычный русский язык означает, что Зекшен вынес постановление, которым засекретил все мое досье на неопределенное время. Таким образом, он лишил и меня, и моих адвокатов возможности знакомиться с материалами дела. О какой защите отныне могла идти речь, если мы даже не знали, какие материалы находятся в моем досье.

* * *

Документы уголовного дела № P9980\96

Судебные органы

Офис судебного следователя

Письмо судебного следователя Жоржа Зекшена к Фиби Банку Швейцарии.

...располагает или располагал ли он (С. Михайлов. – О.Я.) в Швейцарии или за рубежом сбережениями, управление и сохранение которых было вам поручено, напрямую или косвенно, или через третьих физических и юридических лиц, а именно через банковское управление вашей группы.

Если вы располагаете данной информацией, прошу немедленно выслать мне копию открытия счета, все необходимые для этого бумаги и все документы с последующими изменениями.

В соответствии со статьей 178 уголовно-процессуального кодекса Женевы настоящий документ является распоряжением на обыск и арест.

При рассмотрении уголовного дела секрет банковских операций не сохраняется.

Я остаюсь в вашем распоряжении для дополнительной информации.

Заранее благодарен за помощь. С уважением
Судебный следователь Жорж Зекшен.

Общество швейцарских банков Аешерворстад, 1.

Получено: офис судебного следователя Республика и Кантон Женевы.

Господин судебный следователь.

Мы передали ваше распоряжение по нашим филиалам для проведения поисков. К сожалению, мы не можем вам сообщить информацию относительно господина Михайлова или упомянутых в вашем распоряжении компаний. Наше общество не может провести такого рода поиски по центральным регионам ввиду следующих причин:

с одной стороны, банковское общество Швейцарии не располагает информационной системой, позволяющей провести поиски. С другой стороны, в силу Конкордата о международной взаимопомощи у вас есть возможность непосредственно обратиться к упомянутым кантонам, в которых, по вашим предположениям, находятся финансовые средства юридического или физического лица. В настоящих условиях мы отметим, что Банковское общество Швейцарии поддерживает деловые отношения с частными клиентами и организациями из стран бывшего Восточного блока только в Бали, Женеве и Цюрихе.

В дополнение мы можем сообщить вам, что не располагаем сведениями о клиентах наших банков за рубежом.

Мы рассчитываем на ваше понимание. Вы, конечно, знаете, что между банками и правовыми отделами кантонов идут переговоры по преодолению выхода из подобных нашей си-

туаций.

Г-н Вирс,
советник по юридическим вопросам,
г-н Зиммерманн,
уполномоченный представитель.

* * *

По поводу ареста Сергея Михайлова в Швейцарии слухи и вымыслы циркулировали самые невообразимые. Если говорить о том, что все это уголовное дело стало неким юридическим феноменом XX века, то с полным основанием могу утверждать, что количество различных версий, перемешанных с элементарными сплетнями, также феноменально. Как на Западе, так и в России целая группа журналистов быстренько смекнула, что на этой «долгоиграющей» сенсации можно сделать себе достаточно звучное имя. А засекретив досье Михася, следователь Зекшен этим развязал руки тем, кто не располагал практически никакими фактами, зато обладал буйной фантазией. За два года было опубликовано несколько сот статей, десятки книг-скороспелок, где излагались самые фантастические подробности о жизни и преступной деятельности главы «Солнцевской» группировки. Забегая немного вперед, расскажу о реакции швейцарских журналистов после пресс-конференции в Женеве. Эту пресс-конференцию собрали адвокаты Михайлова вскоре после того, как досье было частично рассекречено, сам обвиняемый

и его защита получили доступ к некоторым материалам дела. Так вот, после окончания пресс-конференции репортеры вынуждены были признать, что о деле Михайлова у них было совершенно искаженное мнение и оглашенные на встрече документы произвели на них эффект шока. Впрочем, большинство из них от шока оправались достаточно быстро, и снова со страниц западных газет на Михайлова был обрушен ушат клеветнической грязи. Российские коллеги, дабы не отставать, эту новую кампанию охотно поддержали. Не обошли вниманием и мою скромную персону.

В конце декабря 1997 года обозреватель журнала «Огонек» Георгий Рожнов опубликовал статью, полную намеков и недоговоренностей. Если говорить коротко, то речь в статье шла о тех продажных журналистах, которые, искажая факты, защищают Михайлова. В качестве самого мощного удара Рожнов использовал мою публикацию, в которой говорилось о том, что следователь Зекшен вынес постановление изъять из дела Михайлова все аффидевиты защитного характера и оставить в деле лишь документы обвинительного содержания. Сам по себе этот факт, если верить статье в «Огоньке», господина Рожнова потряс до глубины души. Потряс настолько, что он предпринял настоящее журналистское расследование. Не владея французским языком, обозреватель «Огонька» попросил одного своего московского коллегу, хорошо говорящего по-французски, помочь ему. Московские журналисты связались с Женевой и перегово-

рили с одним из маститых криминальных репортеров газеты «Трибюн де Женев». Ему-то они и процитировали тот абзац из моего материала, где речь шла о столь странном, если не сказать больше, решении следователя Жоржа Зекшена. Выслушав российских коллег, швейцарец якобы воскликнул: «Какая ложь. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Благородный гневный пафос моего швейцарского коллеги мне вполне понятен. Такого действительно никогда не было, ибо и быть не могло. В уголовно-процессуальном законодательстве любой страны, и Швейцария не является исключением, говорится о том, что в обязанности следователя входит сбор фактов, наиболее полно способствующих открытию истины. Не обвинения или оправдания, но истины. И следователь, ограничивающий поступление в досье документов того или иного характера, тем самым совершает должностной проступок. Однако негодовать по этому поводу оказалось куда как проще, нежели заставить Зекшена изменить свое необъяснимое, прежде всего с точки зрения закона, решение. Более того, это решение следователя нашло живой отклик в душе прокурора Жана Луи Кроше, и он вынес решение на рассмотрение Обвинительной палаты кантона Женева. Адвокаты благодумствовали. Блестящий знаток международного права, президент коллегии адвокатов Бельгии Ксавье Манье, один из авторов европейской Декларации прав личности, не без тонкого юмора утверждал в те дни: «Ну что ж, нам, наверное, придет-

ся поделиться с господином прокурором частью своего адвокатского гонорара. Во всяком случае, у нас теперь отпала необходимость писать протест в Обвинительную палату. Вынося решение следователя на суд, мсье Кроше выполнил нашу работу. Вполне очевидно, что Обвинительная палата решение следователя отменит как абсолютно противоправное и беспрецедентное в истории мировой юриспруденции». Мэтр Ксавье Манье в зал заседания Обвинительной палаты женеvского Дворца правосудия входил с легкой улыбкой, небрежно перекинув через плечо отороченные мехом горностаvя кончики своей адвокатской мантии. Через полтора часа, после окончания заседания Обвинительной палаты, мэтр Ксавье Манье с нескрываемой злостью не укладывав, а за-пихивав в свой элeгантный портфель бумаги. Он отказался отвечать на вопросы журналистов и лишь заявил, усаживаясь в вызванное для него на площадь Бург де Фур такси, что немедленно отправляется в Страсбург, где подаст в Европейский суд по правам человека жалобу на столь вопиющее решение: Обвинительная палата удовлетворила ходатайство прокурора Жана Луи Кроше и утвердила решение следователя Жоржа Зекшена об изъятии из досье уголовного дела

№ P 9980\96 всех документов, свидетельствующих в защиту обвиняемого.

Эти события разворачивались за месяц до того, как в журнале

«Огонек» появилось гневное разоблачение Георгия Рож-

нова. Собственно говоря, московскому обозревателю Рожнову можно было и не разорять либо свой личный, либо и без того скудный бюджет своего издания телефонными звонками в Женеву. Достаточно было позвонить московскому адвокату Михайлова Сергею Пограмкову, и история с изъятием документов из досье предстала бы перед огоньковцем во всем своем очевидном беззаконии. Но такой сенсацией Рожнов вряд ли сумел бы кого-то удивить. Совсем иное дело – вы-вести на чистую воду «продажных» журналистов...

Свою версию выдвинули в книге «Цветная масть» полковник милиции в запасе Вячеслав Разинкин и редактор отдела журнала

«Милиция» МВД России Алексей Тарабрин. Вот что они пишут:

«Главной сенсацией средств массовой информации не только Швейцарии, но и многих газет всего мира осенью 1996 года была тема ареста в аэропорту Куантрэн крупного мафиозо из Москвы Сергея Михайлова, или Михася. (По поводу термина «мафиози» редактор отдела криминальной хроники американской газеты «Новое русское слово» Александр Грант замечает: «...Напомню московским авторам, что “мафиози” – множественное число, а одного члена мафии нужно называть именно “мафиозо”, тогда итальянцы не так обижаются».) Он прилетел в Женеву... из Вены. Пройдя без инцидентов таможенный контроль, Михайлов спокойно вышел из стеклянных дверей аэровокзала. Жест рукой – и

к нему подкатил шикарный “роллс-ройс”, водитель которого уже давно поджидал своего хозяина. Вот только на сей раз ему не суждено было отвезти своего патрона домой. Буквально в двух шагах от “роллс-ройса” он был задержан агентами четырех спецслужб разных стран».

Ссылаясь на московскую газету «Экспресс», Разинкин и Тарабрин продолжают: «Интерпол считает 38-летнего Михайлова человеком № 1 в списке наиболее опасных преступников, подлежащих немедленному аресту. Михайлову предъявляются обвинения в убийстве, отмывании грязных денег, контрабанде наркотиков, а также создании крупнейшей международной сети проституции и управлении ею. Следствие считает, что именно он ответствен за наводнение стран Западной Европы проститутками из бывшего СССР, количество которых оценивается в 12 тысяч человек. В Европе Михайлов имеет 17 ночных клубов, один из которых находится в Швейцарии, а четыре в Бельгии. В России он опирается на созданную и по-прежнему контролируемую им банду гангстеров».

Я умышленно привел здесь именно эту, не самую злую, хотя и чрезвычайно насыщенную «фактами» цитату. Уж если авторы не удосужились узнать из достоверных источников истинные подробности задержания Сергея Михайлова в Женеве (о каких четырех спецслужбах разных стран и шикарном «роллс-ройсе» ведут они речь?), то уж остальные детали точно так же высосаны из пальца. Замечу, опять забегая

вперед, что даже в официальном обвинении, составленном следователем и подписанном прокурором, не было ни слова, ни даже намек на создание международной сети протестации в Западной Европе, ни на убийства или контрабанду наркотиков.

Старые журналисты рассказывают такую зловещую байку. Однажды утром в приемную редакции газеты «Правда» позвонил взволнованный мужчина.

– Сегодня в вашей газете написано, что я освобожден от занимаемой должности и исключен из рядов КПСС, – срывающимся голосом произнес он. – Но ничего подобного нет. Меня никто не освобождал от должности и не исключал из партии.

– А газета «Правда» у вас сейчас под рукой? – вежливо осведомились на другом конце провода.

– Конечно, – ответил мужчина.

– Тогда прочтите, что написано под заголовком.

– Орган Центрального Комитета КПСС, – прочитал тот.

– Так скажите, товарищ, – спросили его из редакции, – может ли орган Центрального Комитета КПСС ошибаться? Раз написано – значит, так оно и есть. В крайнем случае – будет.

В нынешние времена, видимо, мало что изменилось. Ну разве что в худшую сторону. Свободу слова многие теперь воспринимают как свободу клеветы, не забывая при этом, что бывшая «великая общность – советский народ» по-

прежнему свято верит в печатное слово. Тем более слово, подтвержденное такими «убедительными» цифрами: 12 тысяч проституток, 17 игорных клубов. Вот в округленные цифры, скажем, в 10 тысяч проституток и 20 клубов, поверить было бы трудновато, а 12 и 17 звучат так правдоподобно. Примерно так же «правдоподобно», как изложенный в одной из московских газет «факт», что буквально накануне своего ареста Михайлов бродил вокруг Женевского озера и приценивался ко всем большим особнякам на предмет их немедленной покупки.

Свою версию происшедшего высказал и аккредитованный в Женеве собственный корреспондент РИА «Новости» Игорь Седых:

– В свое время имя Михайлова возникло при расследовании дела Вячеслава Иванькова – Япончика. Якобы даже существовала некая магнитофонная запись, из которой можно было понять, что Япончик и Михась находились в дружеских отношениях. Правда, впоследствии экспертиза идентичность голосов установить не смогла. Так или иначе, но американцы вознамерились допросить Михайлова в качестве свидетеля по делу Иванькова, и через Интерпол был разослан во все страны соответствующий запрос. Потом Япончика осудили, надобность в Михайлове как в свидетеле отпала, однако Интерпол по запарке ордера на задержание Михайлова не отменил. Тут, на мой взгляд, произошла чисто техническая неувязка. Но к этому моменту появилась пуб-

ликация в бельгийской «Ле суар», в которой Михайлов был изображен как глава русской мафии. Имея формальный ордер Интерпола и воодушевившись статьей бельгийской газеты, швейцарцы не сомневались, что в их сети попалась «акула» преступного мира. Остальное известно.

Да, остальное действительно известно. Швейцарская полиция арестовала иностранного гражданина, а уж потом к этому иностранцу стали «примерять» самые разнообразные преступления. Для молодого следователя Зекшена наступил, как он, вероятно, считал, звездный час. На таких процессах делается имя, на долгие годы создается репутация следователя проницательного, бескомпромиссного борца с международной мафией. Вот-де правоохранительные органы всех стран мира не смогли поймать и арестовать неуловимого Михайлова, один только он, Зекшен, сумел не только арестовать главаря российского преступного мира, но и расследовать совершенные им страшные преступления, преступления века. Так или примерно так рисовалась Зекшену ситуация. Собственно говоря, Зекшен, как он сам считал, и это видно из материалов дела, ничем особенно не рисковал. Он полагал, что ему долго с Михайловым и возиться-то не придется. Как минимум три страны должны были, по мнению следователя, потребовать выдачи Михайлова – Россия, Израиль и США. Зекшен не учел одного – ни Россия, ни Израиль, ни США не признали Михайлова преступником и не пожелали ввязываться в международный юридический бес-

предел. Помочь (но об этой своеобразной помощи речь пойдет впереди) – это пожалуйста, но принимать кардинальные меры – увольте. Вы, швейцарцы, арестовали, вы и расхлебывайте.

Когда в канцелярию следователя на площадь Бург де Фур пришли официальные ответы из Москвы и Иерусалима, следователю бы опомниться, извиниться перед задержанным и отделаться легким к тому времени нареканием начальства. Но он уже закусил удила. Вероятно, не последним фактором были и арестованные в Женеве счета Михайлова, на которых числилось более двух миллионов американских долларов. Ведь в случае успеха (читай – обвинительного приговора) эти средства поступали бы не только в доход государства, но и часть их – в бюджет следственных органов Женевы. А такая существенная «инвестиция» не могла остаться без внимания и должной оценки начальства и представлялась Зекшену мощным трамплином к служебным высотам.

* * *

Документы уголовного дела № Р 9980\96

МВД России

Региональное управление по организованной преступности по г. Москве

г. Москва, ул. Шаболовка, 6

№ 316

Факс инспектору Кампишу

На ваш запрос от 06.12.96 г. в отношении Михайлова С.А.

Региональное управление по организованной преступности МВД РФ по г. Москве по интересующему вас вопросу располагает следующей информацией:

Михайлов Сергей Анатольевич, 07.02.58 – лидер солнцевского организованного сообщества, кличка Михась, образование среднее, кандидат в мастера спорта по борьбе.

Проживал: г. Москва, ул. Новопеределкинская, д. 8, кв. 20. С декабря 1993 года постоянно проживает в Австрии, Чехии, Венгрии. Задерживался в декабре 1989 года за вымогательство вместе с братьями Авериными, Люстарновым Е.А., Тимофеевым С.И. денег и автомашин у председателя кооператива «Фонд» В. Розенбаума, в конце 1993 года по подозрению в организации убийства В. Власова, директора казино «Валери». Привлечь к уголовной ответственности не удалось в связи с отказом потерпевших и свидетелей под влиянием угроз со стороны подозреваемых от своих первоначальных показаний.

В конце 80-х годов с началом перестройки и возрождением капиталистических отношений в России собрал группу, в которую вошли:

Аверин Виктор Сергеевич, 31.05.57, кличка «Авера-старший»,

Аверин Александр Сергеевич, 12.04.59, кличка «Авера-младший»,

Люстарнов Евгений Алексеевич, 20.10.56, кличка «Люст-

арик»,

Тимофеев Сергей Иванович, 18.07.55, кличка «Сильвестр» (погиб в 1994 году),

Кудин Михаил Юрьевич, 23.09.58, кличка «Мишка Квакин», Анисимов Анатолий Алексеевич, 13.03.58, кличка «Булеля», Скрылев Андрей Васильевич, 20.12.62, кличка «Скрыль», Шаповалов Геннадий Викторович, 24.01.63, кличка «Шаповал», Хачидзе Джемал Константинович, 16.06.37, кличка «Джамал», вор в законе.

В декабре 1989 года группа «контролировала» (отбирала часть выручки) более 20 коммерческих фирм Москвы и области, в том числе рестораны «Советский», «Покровка», «Турист», «Комета», «Аист», «Нил», «Якорь», гостиницу «Дагомыс», Партнербанк.

Свое название группа, а в настоящее время преступное сообщество, получила по названию района г. Москвы, где проживает большинство членов данного сообщества.

В настоящее время «Солнцевское» преступное сообщество насчитывает около 800 активных членов, объединенных в 10—12

«бригад» во главе с «авторитетами» преступного сообщества. Каждая бригада контролирует определенные фирмы, предприятия и банки в Москве и Подмосковье. В то же время у сообщества имеется общая касса («общак»), в которую отчисляют часть средств все «бригады». При возникновении трений с другими преступными группировками «на разбор-

ки» приезжают члены нескольких бригад.

Координаторами действий «бригад», арбитрами в возникающих спорах, а также распорядителями «общака» являются Михайлов С.А. и Аверин В.С.

Кроме того, Михайлов С.А., Аверин В.С., Тамм А.А., Скрылев А.В. через покупку недвижимости в странах Западной Европы, создание фиктивных фирм, офшорных компаний «отмывают» деньги, полученные в России путем вымогательства, торговли оружием и наркотиками.

В связи с большим объемом и конфиденциальностью материала передать его по факсу не представляется возможным. Нами будут изысканы иные возможности его передачи вам.

С уважением

Начальник 9-го отдела РУОП по г. Москве майор милиции Седов В.В.

Республика и кантон Женева Судебные органы

Офис судебного следователя

В данных условиях необходимо приостановить состязательное следствие, право на ознакомление с делом и право снимать с него копии. Это необходимо для того, чтобы обвиняемый не мог строить свои ответы на основе содержания дела.

Необходимо распространить данные меры на адвокатов обвиняемого. Данная мера не должна рассматриваться как

выражение недоверия к адвокатам, но как мера, способствующая завершению следствия.

Целью настоящей меры является предотвращение провала следствия, которое судебный следователь надеется довести до конца.

Таким образом, принимая во внимание статьи 1 и последующие, а именно 139 параграф 1 и 3, 142 параграф 3 Уголовно-процессуального кодекса,

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

задерживает состязательное следствие и частично задерживает право на ознакомление с делом и право снимать с него копии. Данные меры относятся также и к адвокатам.

Оповещает о принятом решении господина Сергея Михайлова через его адвокатов Поля Гулли-Харта и Ральфа Освальда Изенеггера и сообщает о том, что у них есть 10 дней для подачи обжалования на данное решение в Обвинительную палату. Обжалование должно быть аргументировано и отправлено в канцелярию Обвинительной палаты.

Судебный следователь Жорж Зекшен.

Республика и кантон Женева Следственная власть

Кабинет судебного следователя ФАКТЫ

Господин Сергей Михайлов, гражданин России и Израиля, родился 7 февраля 1958 года, проживает в Борексе (кантон Во), был арестован 17 октября 1996 года и обвинен господином судебным следователем Жоржем Зекшеном в участии в криминальной организации (статья 206 Уголовного

кодекса) и в отмывании денег (статья 305 Уголовного кодекса). Обвинения были аргументированы следующими фактами:

Господин Михайлов имеет паспорта государств Коста-Рика, Россия и Израиль без получения гражданства Коста-Рики и без подтверждения гражданства Израиля.

Господин Михайлов часто посещал Россию, Израиль и Швейцарию для выполнения деятельности, суть которой невозможно определить.

Господин Михайлов располагает значительными денежными средствами и не может дать объяснение относительно внушительной суммы денег – 47 000 швейцарских франков (36 000 долларов США. – О.Я.), которая была обнаружена на его вилле в Борексе.

По некоторой информации полиции и прессы, господин Михайлов является одним из авторитетов криминальной организации под названием «Солнцевская».

Господин Михайлов отказался сообщить об источнике своих доходов, их объеме и банковских учреждениях Швейцарии, в которых они хранятся.

Направляет настоящее уведомление господину генеральному прокурору в его прокуратуру судебный следователь Жорж Зекшен.

Приписка от руки: получено 17.06.97 года.

Господину прокурору Жану Луи Кроше

Господину судебному следователю Жоржу Зекшену

Господин Михайлов оспаривает наличие серьезных обвинений. Создается впечатление, что он был арестован на основании публикации в прессе и сообщений полиции. Бесплезно искать в деле точных и ясных доказательств вины господина Михайлова. У следствия нет доказательств того, что господин Михайлов занимается отмыванием денег в Швейцарии. В рапортах полиции нет даже намека на существование таких гипотез. Сведения, собранные полицией и магистратом, более всего указывают на то, что господин Михайлов не ограничивает свои расходы, находясь «в подполье» (по словам прессы), и открыто проводит свою деятельность, добиваясь вида на жительство в кантоне Во, не находится под уголовным преследованием органов правосудия Российской Федерации или Израиля, нет доказательств того, что он привлекался к уголовной ответственности в других странах,

ведет законную коммерческую деятельность в кантоне Во, в обстоятельствах по покупке виллы в Борексе необходимо разобраться, но при изучении документов и объяснительных записок дела не установлено то, что господин Михайлов нарушил закон, сумма в 47 тысяч швейцарских франков, обнаруженная в Борексе, не является доказательством того, что кассатор принадлежит к преступной группировке или занимается отмыванием денег, высказывание судебного следователя о том, что «в настоящее время господин Михайлов не может дать объяснений по своей коммерческой деятельно-

сти в Швейцарии», является преждевременной оценкой доказательств его вины.

Необходимо принять во внимание по поводу российского и израильского паспортов, что в Израиле много тысяч человек имеют по два паспорта, а также то, что наличие паспорта Коста-Рики оправдано консулом государства Коста-Рика.

Необходимо добавить, что господин Михайлов был арестован и лишен свободы на неопределенный срок. Его деловые отношения, совершенно законные и важные, были внезапно прерваны, и его экономические интересы значительно пострадали. В настоящее время решается вопрос о том, чтобы лишить господина Михайлова юридической поддержки его адвокатов и права на ознакомление с собственным делом. Совершенно очевидно нарушение основных прав кассатора. Очевидно и то, что общественные слухи не могут служить для этого оправданием.

Ральф Освальд Изенеггер, адвокат.

* * *

Долгие годы я наивно и доверчиво полагал, что правоохранительные органы, в какой бы стране они ни находились, занимаются исключительно борьбой с преступностью, но никак не способствуют организации преступников и управлению их противоправной деятельностью. Но, судя по названию, в Москве именно такая организация была. Как иначе можно понять расшифрованную аббревиатуру мос-

ковского РУОП – региональное управление по организованной преступности. Заметьте, не организация по борьбе, а просто управление по преступности. Так, во всяком случае, явствует из документа. Но оставлю мелочные придирки к словам, тем более что суть документа для всех заинтересованных лиц была, понятно, куда важнее названия. Итак, в московском РУОПе был подготовлен документ, под которым должен был подписаться начальник 9-го отдела РУОПа по Москве майор милиции Седов. Но сбоку от его напечатанной на пишущей машинке фамилии стоят две жирные диагональные черты, и документ подписан заместителем Седова Скубаком. В таком виде факс и поступил в канцелярию судебного следователя Жоржа Зекшена. Фраза об объеме собранного московской милицией материала и его строжайшей секретности не только не остановила Зекшена, но, напротив, раззадорила еще сильнее. После непродолжительных переговоров с Москвой судебный следователь заручился обещанием господина Скубака, что в ближайшее время в Женеву прибудет нарочный, который доставит полный пакет документов о преступной деятельности Михася в России. И этим нарочным оказался майор все того же московского РУОПа Николай Упоров. Непривычная для швейцарского произношения фамилия в документах поначалу то и дело искажалась. То писали «Опуров», то писали «Упоров», а в одном из документов фамилию майора даже умудрились «скрестить» с местом его службы и написали «Руопов».

В конце концов российский милиционер, видимо, обратил внимание своих женевских коллег, что негоже исказить фамилию столь ценного источника информации, и укрепился в документах дела под своей истинной фамилией – Упоров. Два года спустя, во время судебного процесса Сергея Михайлова, выяснилось немало любопытных и чрезвычайно важных для понимания дела подробностей того, как Упоров вообще оказался в Женеве и стал, по признанию Жоржа Зекшена, главным свидетелем обвинения. Но на сей раз я не хочу забежать вперед и не стану нарушать хронологию событий.

Жоржу Зекшену ждать пришлось недолго. Прибывший из Москвы майор уже вскоре предстал перед следователем. Правда, обещанных документов так и не привез. В доверительной беседе майор поведал швейцарскому следователю о коррупции в рядах правоохранительных органов. Он сослался на то, что материалы по Михайлову находятся в МВД за семью печатями и нет никакой возможности изъять не только сами оригиналы, но даже и снять с них копии. Походя Упоров полил грязью не только родную милицию, но и прокуратуру, заявив, что и в Генпрокуратуре России искать материалы о преступной деятельности Михася – дело зряшное. Там-де царят полный хаос и беспорядок, левая рука не ведаёт, что делает правая, информационный центр, по сути дела, отсутствует, и прокуратура не знает и знать не может о том, какими оперативными разработками занимается милиция и какой у нее накоплен материал, допустим, на того же Ми-

хайлова и на всю «Солнцевскую» преступную группировку. Зекшен слушал и всему верил. Верил, поскольку очень верить хотел. Он лишь спросил, кто же может его проинформировать о тех самых подробностях, которые невозможно получить от руководителей МВД, РУОПа и Генпрокуратуры России. И тогда Упоров скромно указал на себя. Этого Зекшену было вполне достаточно. Трудно предположить, что судебный следователь не знал, что оперативные данные судами в качестве доказательств не признаются. Следователю нужен был свидетель, и он его получил. Вернее сказать, в Женеву приехал майор милиции, который обязан был предоставить соответствующие документы и оказать при необходимости практическую помощь коллегам. Уж кем-кем, а свидетелем Николай Упоров быть никак не мог. Но все же стал им. Истинные мотивы этого сговора стали совершенно очевидны только на суде, а пока же следователь свои действия аргументировал тем, что Упоров-де лицо абсолютно нейтральное и ему нет никакой выгоды свидетельствовать против Михайлова. Этот же аргумент использовал всякий раз на заседаниях Обвинительной палаты и прокурор Жан Луи Кроше, который пытался создать Упорову ореол борца за правое дело и человека, страдающего от коррупции в высших сферах российских правоохранительных органов.

Николай Упоров рассказал следователю о том, что еще несколько лет назад, работая в районном отделении милиции, он столкнулся с солнцевскими бандитами. Позже, ко-

гда были созданы региональные органы, надо все же полагать, что по борьбе с организованной преступностью, а не по управлению ею, Упоров взял солнцевских в оперативную разработку. На своем пути он встретил невероятное сопротивление начальства, но вел дело скрытно и потому смог избежать служебной расправы. А вот бандиты Упорова не пощадили. Майора и его семью спас только случай. История, рассказанная Зекшену Упоровым, ничем не отличалась от тех ужасов, которые показывают в самых крутых западных боевиках, и выглядела поначалу так.

В какой-то период майор заметил за собой слежку. Было сделано несколько попыток физической расправы над ним, но благодаря своему умению оторваться от преследователей и предугадать опасность ему всякий раз удавалось избегать критической ситуации. И тогда бандиты решились на самую великую подлость, какую можно себе вообразить. Несколько боевиков из «Ореховской» группировки однажды днем сумели проникнуть в квартиру Упорова. Их целью было выкрасть дочь майора, чтобы подействовать на него таким образом. К счастью, девочка была дома не одна, в квартире находилась бабушка жены Упорова, то бишь прабабушка ребенка. Эта древняя старушка, увидев угрожающего вида головорезов, под-няла такой крик, что преступники, убоявшись бабульки, трусливо ретировались из квартиры.

Позже, когда Упоров вернулся в Москву и охотно давал интервью репортерам разных газет, история в его изложении

выглядела несколько иначе. Газетчикам майор поведал, что его жена (по другой версии – бабушка) прогуливалась вместе с ребенком возле дома, когда заметила следящих за ними парней, внешность которых не оставляла сомнений в том, что они принадлежат к преступному миру. И тогда жена (а может, и бабушка), крепко взяв девочку за руку, подошла к сидящим на лавочке возле подъезда соседям и не уходила до тех пор, пока бандиты не убрались восвояси. Понятно, что работа майора РУОПа сопряжена с повседневным риском, слежка, стрельба, похищения для него, должно быть, столь привычны и необходимы, как перец к хорошо прожаренному мясу. Чем иначе можно объяснить, что даже детали такого трагического события, как похищение собственной дочери, могли у майора стереться из памяти до такой степени, что он начал их путать. В тех же самых интервью майор Упоров поведал читателям о том, что теперь и его жизнь ежесекундно подвергается опасности и солнцевские никогда в жизни не простят ему показаний против Михася. Естественный вопрос о том, какое к похищению дочери и к Михайлову имела «Ореховская» группировка, возник не только у следователя Зекшена в Женеве, но и у московских журналистов. На этот вопрос Николай Упоров отвечал, не задумываясь и твердо, таким образом: «Я уверен, что мой домашний адрес и заказ на похищение дочери дал ореховским Михайлов».

Прошло несколько месяцев, и Николай Упоров вновь появился в Женеве. На сей раз в новом качестве и с новой се-

мьей. За прошедшее время он успел уволиться из РУОПа, а приехав в Швейцарию, первым делом попросил там политическое убежище. Прошение было принято к рассмотрению, а пока бывшему московскому майору выделили социальное жилье и пособие на проживание. В тот самый период большинство российских газет, которые уделяли внимание делу Михайлова, предпочитали относительно главного свидетеля обвинения использовать весьма туманные формулировки типа: «Опасаясь за свою жизнь и за жизнь членов своей семьи, майор Упоров вынужден был уехать из России, и настоящее его место нахождения неизвестно». Разумеется, следователь Жорж Зекшен о местонахождении экс-майора мог бы дать исчерпывающую информацию, но Зекшен предпочитал с журналистами не общаться. Впрочем, и без комментариев Зекшена и Кроше стали очевидными взаимосвязь следствия со свидетелем и истинные причины, побудившие российского гражданина к столь «откровенному» признанию. Швейцарские репортеры сумели раздобыть сведения, проливающие свет на побудительные причины этого альянса. По их данным, во время первой встречи Зекшена с Упоровым последний жаловался на тяготы жизни в России, на что следователь заметил, что жизнь в Европе могла бы быть более приятной во всех отношениях, и если только Упоров всерьез над этой проблемой задумается, то такая возможность может быть ему реально представлена. Вероятно, соблазн оказался слишком велик. Впрочем, представители спецслужб навер-

няка предпочли бы всему этому иное, более лаконичное и в то же время наиболее исчерпывающее и всеобъемлющее определение: вербовка.

До самого последнего момента Николай Упоров был и оставался главным козырем в колоде крапленых карт следователя Зекшена и прокурора Кроше, которыми они пытались разыграть эту бесстыдную партию.

* * *

Документы уголовного дела № Р 9980\96

Республика и кантон Женева Судебная власть

Кабинет судебного следователя

Протокол допроса

Судебный следователь: господин Зекшен Секретарь: мадемуазель Фукс

Присутствуют: господин Жан Луи Кроше – финансовый аналитик при судебных следователях,

госпожа Корин Бийо – переводчица русского языка, приведена к присяге,

господин Сергей Михайлов, обвиняемый, доставленный из тюрьмы, уже заслушан.

Следователь господину С. Михайлову:

В силу статьи 350 уголовного кодекса вы дополнительно обвиняетесь в том, что вы находились в Швейцарии, а именно в кантоне Во, в не предписанное время.

Вы проживали в Швейцарии незаконным образом сроком

более 3 месяцев, не имея разрешения на проживание, выданное компетентными органами.

Вы нарушили порядок приобретения недвижимости, занимая виллу, дом 12, улица де Турние, 12777, Борекс с помощью сложной юридической системы при посредничестве господина Оливье Деморэ в качестве приобретающего по акту от 16 июня 1996 года и арендодателя по контракту об аренде в силу протокола, подписанного 17 мая 1996 года г-ми Сергеем Михайловым, Оливье Деморэ и Анрэ Миловановым.

Г-н Михайлов:

Что касается новых обвинений, выдвинутых против меня, я выскажусь по этому поводу после того, как посоветуюсь с моими адвокатами.

Я оспариваю выдвинутые против меня обвинения от 17 октября 1996 года. В частности, я оспариваю, что являюсь членом криминальной организации.

В начале 1989 года, насколько я помню, я выезжал в Китай, а потом в ФРГ. Каждая из моих поездок в 1989 году продолжалась одну или две недели. В Китай я отправился в командировку от Фонда культуры СССР в качестве представителя этого Фонда. Я поехал по программе обмена. Цирковые артисты из СССР отправлялись в Китай, а борцы из Китая приезжали в СССР. Целью поездки было изучение программы в рамках проекта этого обмена. В этой связи я побывал в Пекине и в Шанхае. В Китае я занимался только той дея-

тельностью, ради которой я был туда отправлен.

В ФРГ я провел 15 дней отдыха. Я не занимался там никакой другой деятельностью.

В 1990 году я не выезжал из СССР.

В конце 1991 года я отправился в США, побывал в Нью-Йорке и Майами. Я хотел отдохнуть в США, а также я хотел изучить возможность коммерческих контактов.

В 1992 году я отправился в Австрию и Венгрию, возможно, что в этом году число моих поездок увеличилось. Речь идет о деловых поездках. Я изучал рынок в плане приобретения наиболее дешевых товаров. За эту деятельность я получал комиссионные. Я не могу назвать вам точные цифры, так как они находятся в зависимости от продукции и условий контрактов. Меня попросили составить список предприятий, с которыми я работал в качестве посредника. Я не могу этого сделать, так как их было очень много. Я хочу объяснить, что было бы легче найти этих участников в выписках из моих банковских счетов.

Вопрос судебного следователя г-ну Михайлову:

Подтверждаете ли вы, что в 1992 году вы не имели банковских счетов ни в Швейцарии, ни за границей?

Ответ г-на Михайлова:

После размышлений я пришел к выводу, что я не должен отвечать на вопросы, географически не касающиеся Швейцарии. Я отказываюсь таким образом отвечать на вопрос следователя, имел ли я в 1992 году банковские счета за грани-

цей. Но я отвечаю, что в

1992 году я не имел банковских счетов в Швейцарии.

Вопрос следователя г-ну Михайлову:

Подтверждаете ли вы, что в 1992 году вы не заключили ни одной сделки в Швейцарии и за границей?

Ответ г-на Михайлова:

Я подтверждаю, что не заключил ни одной сделки в 1992 году ни в Швейцарии, ни за границей. В то же время я хочу сформулировать следующее заявление.

Я готов отвечать на все вопросы судебного следователя, связанные с моей коммерческой деятельностью в Швейцарии. Но я не намерен отвечать на вопросы следователя, касающиеся моих коммерческих дел за границей.

Я не хочу сказать, что я вообще не собираюсь отвечать на вопросы, но я хочу сказать, что я не хочу отвечать на вопросы о моих частных делах. Я считаю, что я не совершил никаких преступных действий за границей.

Вопрос судебного следователя г-ну Михайлову:

Вы считаете, что сообщение следователю данных, касающихся банковских счетов или коммерческих дел, касаются только вас лично?

Ответ г-на Михайлова:

Я считаю, что вопросы, касающиеся моих банковских счетов, относятся к моей коммерческой деятельности, и я не намерен сообщать следователю сведения, касающиеся моих банковских счетов, и информацию о банковских учреждени-

ях, расположенных за пределами Швейцарии.

Республика и кантон Женева Судебная власть
Кабинет судебного следователя

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Сегодня, 13 февраля 1997 года, между 17.00 и 17.05 позвонила какая-то женщина, говорившая взволнованным голосом и не представившаяся. Эта женщина говорила о том, что она прочитала в газетах, что господин Зекшен ведет поиск денежных средств по делу Михайлова. Она сказала, что знает, где находятся денежные средства в Женеве, и что некоторые люди боятся об этом говорить. Эта женщина звонила из телефонного автомата, и в последнюю минуту секретарь суда попросила ее быстро назвать место, в котором находятся упомянутые средства. Но женщина была так взволнована, что только сумела произнести отрывки каких-то непонятных слов.

Секретарь суда попросила ее написать письмо судебному следователю, на что женщина ответила: «Я сейчас это сделаю», – и на этом разговор прервался.

О чем и свидетельствую Секретарь суда Бедоне.

Через курьера

Господину Жоржу Зекшену, судебному следователю Дворец правосудия, площадь Бург де Фур, 1

Женева, 28 июля 1997 года

Касательно: № P9980\96, господин Сергей Михайлов Гос-

подин следователь.

Настоящим письмом я извещаю вас, что господин Михайлов намерен воспользоваться отныне своим правом на молчание, вследствие чего он отказывается участвовать в назначенном на завтра заседании.

При этом мой клиент согласен участвовать во всех актах состязательного следствия, которого он собирается добиваться.

Его позиция мотивирована следующими обстоятельствами: Медленное ведение следствия (на что повторно указывается). Его сугубо обвинительный характер с незначительными вопросами.

Отказ слушания любого свидетеля со стороны защиты. Условия, выдвигаемые судебным следователем на слушании, соблюдение которых означало бы допущение давления со стороны судебного следователя.

Статья, появившаяся в русской прессе 22 июля (оригинал прилагается к настоящему письму), свидетельствующая в очередной раз о нарушении секретности следствия (публикация фотографий и показания Левинсона).

Вам уже было предложено дать объяснение по поводу того очевидного на сей раз факта, что кампания по дискредитации, жертвой которой стал господин Михайлов, получает поддержку из женеvских источников.

Примите, господин следователь, уверения в моем совершенном почтении.

Ральф Освальд Изенеггер, адвокат.

* * *

Каждый допрос Зекшена превращался для Михайлова в психологический поединок. Несмотря на возражения самого Сергея и его адвокатов, его по-прежнему вывозили на допросы, предварительно облачив в два бронежилета. Они натирали тело, образуя незаживающие язвы. Особенно тяжело было переносить эти бронежилеты летом. Но следователь оставался неумолим. Каждый раз, выслушав очередные претензии своего подследственного, Зекшен заявлял с неизменной улыбкой:

– Господин Михайлов, это делается в ваших же интересах. У нас есть сведения, что на вас готовится покушение, и мы обязаны вас оберегать. Я ведь тоже принимаю меры необходимой безопасности – езжу, например, теперь только в бронированной машине. Но я же не жалуясь.

Однажды, когда Михайлова привезли на очередной допрос во Дворец правосудия, он увидел, что следователь сидит у открытого окна и любит природой.

– Господин Зекшен, вы так осторожны, ездите, как вы мне сказали, на бронированном автомобиле, а окно оставляете открытым. Я вот сделаю сейчас два шага и выпрыгну в окошко, тем более что высота здесь небольшая, – сказал Сергей.

– Благодарю вас за подсказку, господин Михайлов, – сухо заметил Зекшен.

А когда Сергея привезли на очередной допрос, он увидел, что стекло в кабинете отливает синевой.

– Бронированное, – самодовольно улыбнувшись, пояснил следователь, заметив взгляд Михайлова. – Так что выпрыгнуть в это окно вам теперь будет затруднительно.

Для Зекшена то были дни его взлета, дни триумфа. Сразу же после того, как стало известно, что судебный следователь Жорж Зекшен возбудил уголовное дело против русского Сергея Михайлова, газеты запестрели пространными сообщениями. Стараниями журналистов Зекшен в один день превратился в одного из самых талантливых, перспективных и подающих надежды юристов Швейцарии. А один из репортеров даже разразился таким цветистым сравнением: «Наш молодой магистр юриспруденции не только выловил у берегов Женевского озера крупнейшую рыбу международной преступности. Он сумеет эту рыбу очистить и зажарить».

Готовясь к каждому очередному допросу, Зекшен был прежде всего озабочен тем, чтобы расставить ловушки для Михайлова. То он зачитывал ему записку о телефонном звонке неизвестной женщины, которая якобы знает, в каких местах Михайлов прячет свои деньги, и ждал, какова будет реакция. То заявлял, что в преступной организации, которую возглавлял Михайлов, теперь идет борьба за передел власти, а один из ближайших друзей Михайлова убит. Про-

изнеся эту тираду, Зекшен замер: ему чрезвычайно важно было, что ответит на это подследственный. Ведь все ответы Михайлова после допросов становились предметом тщательного изучения психологами. И если бы, допустим, Сергей поинтересовался, кто именно из его друзей убит, то наверняка психологи сделали бы соответствующий вывод о том, что-де Михайлов допускает возможность убийства какого-то из друзей, так как в криминальном мире, к которому он принадлежит, такие события не редкость.

Но на все эти «ловушки» Сергей не реагировал, чем порой доводил Зекшена до исступления. «Господин Михайлов, ну почему вы молчите?!» – срываясь на бабий визг, кричал следователь, вмиг теряя свой внешний лоск и респектабельность. Но именно в такие моменты Сергей успокаивался, понимая, что выиграл у следователя очередной психологический раунд.

Собственно говоря, спокойствие пришло к Сергею после того, как во время одного из первых допросов полицейские сделали попытку его завербовать.

– Господин Михайлов, мы знаем, что вы в России человек очень влиятельный, входи в высокие сферы. Мы хотели бы, чтобы вы поделились с нами своими сведениями о преступном мире России, о высших чиновниках государства. Если вы не хотите возвращаться к себе на родину, мы могли бы изменить вам внешность с помощью пластической операции, выдать новые документы и отправить вас жить в какое-ни-

будь отдаленное, но весьма привлекательное местечко.

– Вы, вероятно, имеете в виду мое экономическое влияние, – уточнял Сергей, словно не замечая того, что его пытаются так топорно вербовать.

В те дни он и предположить не мог, что его заключение в тюрьме Шан-Долон растянется на долгих два с лишним года. Зато Зекшен после нескольких допросов прекрасно понял, что в общении с этим человеком ему нужны серьезные аргументы, а запугиваниями и шантажом он попросту ничего не добьется. Он пытался вывести Михайлова из себя тем, что бесконечно повторял одни и те же вопросы, на которые уже получил исчерпывающие ответы. Так, допросы по поводу нарушения Михайловым визового режима и попытки незаконного приобретения недвижимости продолжались целых полгода, хотя к этому моменту в распоряжении следствия были и прошение Михайлова о предоставлении ему вида на жительство в Швейцарии, и документы, подтверждающие, что покупку виллы он предполагал осуществить при помощи адвоката.

Потом Зекшен резко сменил тактику. Он не вызывал Михайлова на допросы по нескольку недель, а когда Сергея привозили во Дворец правосудия, следователь капризным тоном вопрошал, поправляя прическу плавным, чисто женским движением: «Господин Михайлов, ну почему вы никогда не скажете, как я выгляжу?»

Среди заключенных тюрьмы Шан-Долон ходили упорные

слухи о своеобразных сексуальных пристрастиях Зекшена, и Сергей старался не реагировать на подобные вопросы, попросту оставляя их без внимания. Был однажды период, когда следователь не вызывал Сергея на допрос в течение двадцати дней, а когда наконец вызвал, то, лучезарно улыбаясь, словно сообщая приятную новость, заявил:

– Сегодня, господин Михайлов, наш допрос будет чрезвычайно коротким.

– Господин следователь, вы не вызывали меня на допрос двадцать дней, а теперь заявляете, что допрос будет коротким. Вы, должно быть, забываете, что я нахожусь в тюрьме.

– Вот видите, господин Михайлов, вы думаете только о себе.

Вы даже не поинтересуетесь, где я был все это время.

– Да я знаю, что вы были в отпуске, – ответил Сергей, – но я вправе рассчитывать, что после отпуска вы проведете допрос и я смогу вам дать исчерпывающие ответы, доказывающие мою невиновность.

– Нет, господин Михайлов, – возразил Зекшен. – Сегодня у меня нет времени для долгого допроса. Мне нужен дантист, и я вынужден вас покинуть.

– Гинеколог тебе нужен, – не выдержал Сергей, и переводчица бесстрастно перевела его реплику.

– Он так и сказал? – изумился следователь и, покрывшись красными пятнами, выкрикнул: – Допрос окончен. Сейчас вы вернетесь в тюрьму.

Наконец настал тот день, когда следователь задал Михайлову первый вопрос о его конкретных коммерческих делах. Но напрасно Сергей решил, что эти допросы ускорят дело. По поводу только одной из его фирм Зекшен допрашивал его ровно три месяца. «У меня пять фирм, и если на вопросы по поводу каждой у него будет уходить столько времени, то только на допросы, связанные с моими фирмами, у него уйдет полтора года», – сделал вывод Михайлов. Именно после этого он отказался отвечать на вопросы Зекшена, заявив, что предпочитает использовать свое право на молчание.

* * *

И был судья из их судей.

Из «Сказок 1001 ночи»

Документы уголовного дела № P9980\96

Решение Федерального суда Швейцарии № 1P.279\1997

СУД ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

17 июня 1997 года

Вынесенное на основании протеста, предъявленного Сергеем Михайловым, в настоящее время заключенного в тюрьме Шан–Долон, против постановления Обвинительной палаты апелляционного суда кантона Женева от 11 апреля 1997 года в рамках процесса генерального прокурора кантона Женева против кассатора.

Решением от 11 апреля 1997 года Обвинительная палата апелляционного суда отказала в удовлетворении ходатай-

ства о предварительном освобождении и продлила предварительное заключение Михайлова до 11 июля 1997 года. Рассматривая известные обвиняемому материалы дела в закрытом судебном заседании, Обвинительная палата апелляционного суда решила, что обвинения, предъявляемые кассатору по ст. 260 УК, являются убедительными, учитывая, в частности, свидетельские показания Упорова, сотрудника МВД, регионального управления города Москвы по борьбе с организованной преступностью, который подтвердил, что Михайлов является руководителем преступной организации «Солнцевская».

В данном случае Обвинительная палата апелляционного суда указала на материалы, на основании которых она сделала вывод о наличии достаточных подтверждений нарушения ст. 260 УК. Она не проигнорировала документы, представленные по этому поводу кассатором, но отклонила их, так как они не могли доказать, что Михайлов не является лидером преступной группировки «Солнцевская», и оправдать его немедленное освобождение.

Кассатор представил документы от различных российских органов власти, из которых следует, что против него не возбуждено уголовное дело в России. Но этих документов недостаточно для того, чтобы отвести подозрение в виновности. Документ, в котором говорится, что на кассатора не заведено досье криминалистического учета, свидетельствует лишь о том, что на основании российского законодательства

он не был осужден в течение последних трех лет с момента выдачи данного документа, который в свою очередь не указывает на возможные предыдущие осуждения по уголовному делу.

Тот неопровержимый факт, что в настоящее время против Михайлова не возбуждено ни одного уголовного дела в России, **ОБЪЯСНЯЕТСЯ БЕЗДЕЙСТВИЕМ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РОССИИ. ДАЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ, ИХ БЕССИЛИЕМ** (выделено мной. – О.Я.), и никак не уменьшает силу предъявленных ему обвинений.

На основании вышесказанного Обвинительная палата апелляционного суда на данной стадии процесса никак не могла не отметить существования серьезных подтверждений причастности кассатора к преступной организации (ст. 260 УК).

Напротив здания швейцарского Дворца правосудия сгрудились журналисты. Спасаясь от хлынувшего дождя, они укрылись под аркой старинного особняка, «ощетинившись» мощными телевиками своих фотоаппаратов и кинокамер. Перед дверью в зал судебных заседаний трое полицейских производили тщательный досмотр всех входящих, включая адвокатов. И диктофон, и фотоаппарат были изъяты у меня самым решительным образом. Один из полицейских кивнул на табличку, извещающую, что в зал нельзя проносить никакую аппаратуру, работающую от батареек. На мои попытки

объяснить, что для прессы должны быть сделаны исключения, полицейский вполне резонно возразил:

– Мсье, мы не издаем законов и приказов, мы лишь их исполняем. Поторопитесь, мсье, заседание сейчас начнется.

Я глянул вверх, туда, где на лестнице стояли с десятков автоматчиков-полицейских, и вошел в зал, где в этот момент усаживались на свои места судьи Обвинительной палаты. Открылась боковая дверь, вооруженные охранники ввели высокого, крепко сложенного человека, одетого в строгий темный костюм.

– Здравствуйте, господин Михайлов, – поприветствовал его председательствующий судебного заседания. – Мы начинаем.

Вот так я впервые увидел Сергея Михайлова. И хотя он сидел лицом к суду, а следовательно, спиной к залу, успел заметить, насколько он бледен. За несколько часов до судебного заседания я узнал, что в тюрьме Шан-Долон, где содержится Сергей, он длительное время лишен прогулок на свежем воздухе. Чего уж тут удивляться бледности его лица.

Между тем судебное заседание шло своим чередом. В довольно просторном зале, отделанном светлым деревом и с огромным зеркальным стеклом-окном за спинами судей, первыми начали выступать адвокаты. Таков порядок. Сначала выступают представители стороны, подавшей ходатайство. В данной ситуации защита Сергея Михайлова обратилась в суд с просьбой рассмотреть их ходатайство об осво-

бождении своего подзащитного, и потому все три адвоката, присутствовавшие на заседании Обвинительной палаты, выступали прежде, чем слово предоставили прокурору. Очень мне хотелось увидеть следователя Жоржа Зекшена, но по существующему закону следователь в зале суда не присутствует.

Буквально накануне, когда стало известно о дате слушания дела в Обвинительной палате, Жорж Зекшен вызвал на допрос Сергея. Прилетев в Женеву, я, даже не заезжая в гостиницу, отправился на бульвар Филосов, где размещался офис адвоката Ральфа Изенеггера. Отворив тяжелую дубовую дверь и привычно улыбаясь, секретарша проводила меня в просторную комнату ожидания, сообщив по дороге, что мэтр Изенеггер уехал рано утром, с тех пор не звонил, и потому неизвестно, когда вернется. Но поскольку она предупреждена о приезде господина журналиста, то я могу ожидать возвращения мэтра в его офисе. Терпеливо выждав, пока я выбирал себе местечко поуютнее, секретарша осведомилась, какой я предпочитаю кофе, на мое желание выпить чаю отреагировала весьма своеобразной фразой: «О, понимаю, должно быть, мсье в дороге простудился», – и удалась. Кляня себя, что не заехал в гостиницу, я прождал Ральфа больше двух часов. Он явился, явно чем-то озадаченный, и, едва со мной поздоровавшись, прошел к себе в кабинет, куда меня пригласили только полчаса спустя. На ломаном русском языке Изенеггер объяснил мне, что сегодня

произошли «непонятные вещи» и ему нужно было самым срочным порядком проконсультироваться со своими коллегами – Алеком Реймоном и Ксавье Манье. Ральф сообщил, что он только что вернулся из тюрьмы, где присутствовал на допросе Сергея Михайлова следователем Зекшеном.

– Непонятно, для чего следователю понадобился этот допрос, – поделился со мной защитник. – Вопросы были ничего не значащими, более относящимися к биографии господина Михайлова и уж никак не имеющими отношения к делу. Ты понимаешь, он расспрашивал его, когда родился, когда женился, с такой заинтересованностью, как будто в первый раз увидел. Понятно, что этот допрос, хотя допроса как такового вовсе не было, понадобился ему для какого-то тактического хода. Что-то он придумал.

– Почему ты так думаешь, Ральф?

– Не только я так думаю, так думают и Алек и Манье. Понимаешь, последнее время Зекшен Сергея почти не допрашивает. Да ему и некогда. Он все время в разъездах. То в Израиле, то в США, то в Австрии, то вообще неизвестно где. Но каждый раз перед заседанием Обвинительной палаты он проводит допрос, и потом в суде прокурор ссылается на то, что у следствия появились новые факты, которые они оглашать не хотят, но на основании которых требуют продления содержания под стражей.

– Так что же тебя удивляет? Ты же сам говоришь, что допросы Зекшен проводит накануне заседания Обвинительной

палаты, вот и теперь он сделал то же самое.

– Не совсем. Раньше это были достаточно формальные, но все же допросы, на которых он хоть о чем-то спрашивал по делу. А сегодня, как я тебе уже сказал, он, видимо, просто вызвал Сергея, чтобы зафиксировать факт процедуры допроса.

– Значит, ты полагаешь, что Обвинительная палата отклонит ваше ходатайство об освобождении?

– Как ты любишь задавать неудобные вопросы, – недовольно поморщился Ральф. – Пойми наконец, даже в более простой ситуации я не мог бы тебе ответить однозначно или дать стопроцентную гарантию. Ведь решают судьи. Наша позиция ослаблена тем, что мы не знаем, что находится в досье у Зекшена. Да, мы скрупулезно собираем все документы, а они свидетельствуют о полной невиновности Сергея. Я надеюсь, что, рассмотрев эти документы, судьи поймут, что нет никакой мотивации держать Михайлова в тюрьме. Конечно, я не рассчитываю, что они освободят его полностью прямо сейчас, но вполне могут выпустить на свободу под подписку о невыезде или под денежный залог.

В тот послеобеденный час, когда мы беседовали в офисе Ральфа Изенеггера, ни он, ни его коллеги-адвокаты не знали, какой казуистический ход придумал Зекшен при поддержке Кроше. Только поздним вечером в адвокатскую контору, где работал Ральф, поступило сообщение из следственных органов, что Зекшен своей единоличной властью изъял из досье

Михайлова все документы, опровергающие обвинение. Аргументация этого была столь же незаконна, как, собственно, и само решение. Все представленные защитой документы, по мнению Зекшена, – фальшивка. Да, имеются печати и подписи ответственных работников, несущих за эти подписи и печати юридическую ответственность, но следовательно неумолим: он допускает (только допускает!) мысль о том, что бланки, печати, подписи могут не быть подлинными. В таком случае Михайлов подкупил людей, предоставивших в распоряжение следствия аффидевиты. Каким образом мог это сделать человек, находящийся в тюрьме и даже на прогулки выводимый в одиночестве, следовательно не комментирует. Он этого процесса не ис-следовал. Он в нем просто убежден. И призывает разделить свои убеждения и прокуратуру, и суд.

Но об этом решении вечером знали только адвокаты. Манье появился во Дворце правосудия минут за десять до начала заседания Обвинительной палаты. Был он хмур, против обыкновения, неразговорчив, облачившись в мантию, которую достал из портфеля, прошел к своему месту в зале суда и тут же зашуршал извлеченными из того же портфеля бумагами. Слово ему предоставили первому, и он сразу обрушился на судей и прокурора:

– Я допускаю мысль, что швейцарская юстиция осторожна, что она напугана некой угрозой со стороны Восточной Европы и пытается от этой угрозы защититься. Я даже могу понять, что, защищаясь от этой угрозы, швейцарская юсти-

ция как метод защиты выбрала излишнюю строгость, – говорил Манье. – Но нет такой цели и нет такой ситуации, которые позволили бы нарушать закон. Откуда сложилось мнение, что Сергей Михайлов представляет собой какую-то опасность для Швейцарии? Это мнение сложилось только на основании выводов следователя Зекшена. Следователя, который вышел за рамки своей роли и вместо того, чтобы представить суду доказательства, обвиняет Михайлова, то есть берет на себя полномочия не следователя, но суда. Исчерпав свои аргументы, Михайлов отказался отвечать на вопросы Зекшена. И тогда следователь мотивирует свою просьбу перед судом о продлении заключения тем, что обвиняемый должен говорить. Но ни в одной демократической стране не отменено право на молчание.

Сергей Михайлов обратился в европейский суд в Страсбург, – продолжал свою речь бельгийский адвокат. – Это обращение не является протестом против ваших мер. Это нормальная реакция человека, в отношении которого нарушается закон. Вы хотели привлечь к делу Михайлова внимание всего мира. Полагаю, что теперь, после обращения в Страсбург, на это дело сможет взглянуть весь мир.

Адвокат Алек Реймон был более лаконичен, но в его словах чувствовалась едва сдерживаемая ярость:

– Вы рассчитывали, что дело Сергея Михайлова спровоцирует чуть ли не революцию во всем мире и со всего света к вам посыплются просьбы о взаимопомощи и требования о

выдаче господина Михайлова. Вы этого ждали. Но этого не произошло. И тогда вы решили взять на себя функцию всемирных обвинителей и наказать человека, чьей вины не признают ни в одной стране. Но вместо этого вы показали всему миру, что Швейцария является полицейским государством. Вы объявили себя полицейскими мира! – вот буквально такими словами завершил свою краткую гневную речь женеvский адвокат Алек Реймон.

Теперь в суде настала очередь выступать прокурору Жану Луи Кроше. Всегда разный – то яростно атакующий, то иронично– насмешливый, он на сей раз предпочел краткую сдержанность. У господина Кроше были на то свои, и весьма серьезные, причины. Кто, как не он, прекрасно понимал, что принятое накануне решение об изъятии из следственного досъе аффидевитов, доказывающих невиновность подследственного, акт столь же беспрецедентный, сколь и незаконный. Вряд ли Кроше беспокоился, что судьи Обвинительной палаты упрекнут его в нарушении законов. Его, скорее, беспокоило, что палата, которая в этом деле явное предпочтение отдавала обвинению, может испугаться именно того, что подобного не было ни в одной демократической стране мира. И потому Кроше был сдержан. Лишние аргументы, ненужная горячность или неуместная ироничность сейчас могли только навредить. И он предпочел ни словом не упоминать о незаконном решении.

– Да, правы те, кто упрекает нас в том, что следствие ве-

дется медленно. Но, господа, такое следствие и не может вестись быстро. К тому же сам господин Михайлов изрядно тормозит дело. Он тормозит его тем, что отказывается сотрудничать со следствием. Господин Михайлов избрал неверную тактику, он обжалует все наши решения, а рассмотрение каждого такого обжалования требует немало времени. Мне кажется, господин Михайлов просто смеется над следствием. Но мы соблюдаем закон. И если господин Михайлов придерживается этой своей тактики, мы не станем ему мешать. Мы лишь должны дать время времени. И время все докажет и все расставит на свои места.

– Благодарю вас, господин прокурор, – произнес председательствующий Обвинительной палаты Мишель Крибле. – А теперь я предоставляю слово господину Михайлову.

– Вот уже год я в тюрьме. Считаю, что не виновен ни по одному пункту, предъявленному мне следователем, – заговорил Сергей. Он произносил фразы размеренно, давая возможность переводчице застенографировать каждое слово. – В речи прокурора прозвучала фраза, что я смеюсь над следствием. Но поверьте, мне не до смеха. Мой отец болен, он при смерти, а я не могу его увидеть. Мой бизнес остановлен, и я терплю огромные убытки. Мое дело полностью сфабриковано. Девять месяцев мое досье было закрыто, и ни я, ни мои адвокаты не могли узнать, в чем меня все-таки обвиняют. Недавно я узнал, что еще несколько месяцев назад из московского РУОПа поступил официальный документ о

том, что в России против меня нет уголовных дел. Однако лишь неделю назад этот документ попал в мое досье. Вы можете лить на меня грязь, но я считаю, что в цивилизованной стране с должным вниманием должны относиться к официальным документам и актам экспертиз, в том числе и международных.

В тот момент Сергей еще не знал, что и этот документ, и какие-либо другие, свидетельствующие о его невинности, из досье буквально несколько часов назад изъяты. И именно в этом месте его перебил Мишель Крибле, резко выкрикнув:

– Вы не имеете права обвинять власть и можете говорить только о том, что касается лишь вашей собственной защиты.

– А я и не обращаюсь к власти, – невозмутимо возразил Сергей. – Я же прекрасно понимаю, что все мною сказанное – это глас вопиющего в пустыне. Говоря о справедливости, я уповаю только на Бога. Мои же высказывания здесь в большей степени обращены к присутствующим в зале журналистам. Если среди них есть люди, имеющие совесть, они расскажут всему миру о том, что здесь происходит.

Переводчица добросовестно записала в блокнот последнюю фразу, но долго не могла приступить к переводу. Ее смутила фраза

«глас вопиющего в пустыне». В конце концов она выкарабкалась из сложной ситуации, переведя это так: «Голос человека, кричащего на песке». Не обращая ни малейшего внимания на явное замешательство судей, не понимающих, о ка-

ком песке идет речь, мадам опустилаcь на свое место с довольным видом человека, добросовестно исполнившего свой долг.

Суд начался в 17 часов. За два часа и пятнадцать минут, что длилось заседание Обвинительной палаты, в зале несколько раз менялись четверки вооруженных охранников и по два полицейских офицера. В 19 часов 20 минут суд удалился на совещание. Лестничные пролеты коридоров Дворца правосудия были по-прежнему заполнены автоматчиками. Один из адвокатов сказал:

– После прошлого заседания суд пробыл в совещательной комнате минут десять, не больше. Даже для того, чтобы зачитать решение, судье понадобилось больше времени, чем ушло на совещание. Понятно, что решение было готово, в него просто вписали какие-то технические данные. Интересно, сколько времени они будут заседать сегодня?

Прошел час, на исходе был второй, когда адвокатам, журналистам и всем присутствующим на суде разрешили зайти в зал. Процедура досмотра повторилась. Председатель суда зачитал решение: учитывая ходатайства следствия и прокуратуры, арест Сергея Михайлова продлен еще на три месяца, до 7 января 1998 года. И все же доводы адвокатов, а главным образом, как мне, во всяком случае, тогда по-казалось, самого Сергея Михайлова возымели действие. В решении суда было сказано, что следствие должно проводиться более интенсивно. Суд постановил также, что следователь должен до-

просить тех свидетелей, которых требует выслушать С. Михайлов.

Дождь все не прекращался. Журналисты не сумели разместиться под козырьком у входа во Дворец правосудия. Часть из них, подняв воротники курток и плащей, все же предпочли мокнуть, ожидая выезда полицейской машины. По узкой улочке, идущей вдоль Дворца правосудия, промчался крытый синий микроавтобус с зарешеченными окнами. Несмотря на вой сирены, было слышно, как по крыше машины звонко бьет дождь. В России говорят: «Дорога в дождь – счастливая дорога». Но то говорят в России. Синяя машина с решетками на окнах, прорываясь сквозь дождь, мчалась в швейцарскую тюрьму Шан-Долон. Российские приметы в Швейцарии не действовали. Свои законы, свои порядки. И постановление Обвинительной палаты, в котором следователь обязывался выслушать свидетелей защиты, Зекшен имел в виду. До того самого момента, пока в судебном заседании не начались допросы, Зекшен не вызвал ни одного свидетеля защиты. Был, правда, эпизод, когда трое свидетелей Сергея Михайлова – два его бывших компаньона и один из сотрудников – явились в суд без приглашения. Но выслушать их никто не пожелал.

...Принято считать, что повязка на глазах Фемиды символизирует ее беспристрастность перед какой бы то ни было личностью, полную объективность и преклонение перед одним только законом. Но в Женеве служители Фемиды поль-

зовались, по-моему, ее же повязкой, чтобы завязать глаза самим себе и не видеть того, чего им видеть не хотелось. Во всяком случае, во время заседаний Обвинительной палаты судьи выглядели не только ничего не видящими, но и ничего не слышащими. Одним из оснований послужила якобы существующая где-то магнитофонная запись от 26 апреля 1996 года, из которой становится понятным (кому?), что господин Михайлов является лидером одной из преступных группировок. Вероятно, понимая, что сие основание столь же недостаточно, сколь и неубедительно, в решение суда тогда записали фразу о том, что шесть месяцев заключения – срок, недостаточный для того, чтобы следствие сумело раздобыть обоснованные подтверждения и доказательства тем обвинениям, которые против Михайлова выдвигались. К тому времени Зекшен уже понял, что инкриминируемое им Михайлову отмывание денег оказалось несостоятельным, лидерство в преступной группе, как и организация неких заказных убийств, тоже не доказано, вот и цеплялся следовательно за улики косвенные, да и те рассыпались на глазах. И это несмотря на содействие спецслужб разных стран.

Чувствуя, что почва окончательно уходит из-под ног, женеvский следователь высказал сомнение в объективности писем, поступивших в Швейцарию за подписью начальника следственного управления прокуратуры России В. Казакова и прокурора Солнцевского района Москвы В. Киселя. В прокуратуре России отреагировали мгновенно. В Каза-

ков был подвергнут постыдному допросу, в ходе которого заместитель генерального прокурора Б. Катышев предупредил своего подчиненного, что тот несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний. В ходе полуторачасового допроса зампрокурора получил возможность убедиться, что Казаков составил свой ответ на основании объективных данных и вполне обоснованно сообщил властям Швейцарии, что Сергей Анатольевич Михайлов российским законом не преследуется. Одновременно был допрошен и прокурор Солнцевского района. На протяжении более чем двух часов он доказывал старшему следователю по особо важным делам прокуратуры России П. Трибою, что в районном суде никогда не рассматривалось дело о преступной «Солнцевской» группировке. Во время допроса прозвучало даже сомнение по поводу того, что В. Кисель слишком быстро подготовил для швейцарских властей подобный ответ. Так что и знание прокурором обстановки в своем районе вызвало подозрение. Несмотря на совершенную очевидность и законность документов, и В. Казакову, и В. Киселю задавался один и тот же вопрос: собственноручно ли они подписали отправленные в Швейцарию ответы? А когда российская прокуратура вынуждена была подтвердить законность подписей и содержания отправленных в Швейцарию писем, Крибле принял мудрое решение, в соответствии с которым полгода, проведенные в тюрьме, – слишком маленький срок для установления истины.

Практически все заседания Обвинительной палаты проходили по одному и тому же сценарию. Адвокаты обрушивали на председательствующего Мишеля Крибле поток новых документов и фактов. Затем прокурор Жан Луи Кроше, не приведя в качестве аргумента ни одного факта, заявлял о том, что у следствия появились новые обстоятельства, которые позволяют просить палату о продлении содержания господина Михайлова под стражей. После этого суд удалялся на совещание, и, независимо от того, сколько времени длилось это заседание за закрытыми дверями, решение выносилось (с незначительными вариациями) одно и то же: учитывая, что у защиты не появилось никаких новых доказательств невиновности обвиняемого, а следствие располагает новыми значительными фактами, тюремное заключение господина Михайлова продлевается на три месяца. Судья Крибле решительно игнорировал все попытки защиты выслушать хоть какие-то доводы в пользу Михайлова, строго придерживаясь, как я уже сказал, видимо, заранее утвержденного сценария. Лишь одно заседание – оно проходило все в том же женевском Дворце правосудия на площади Бурге де Фур, 1, – несколько отличалось. Отличалось не просто не прикрытым, я бы сказал, показным цинизмом. Когда я сидел в зале, где шло слушание, у меня возникло странное ощущение, что здесь проходит не суд, а тщательно отрепетированный спектакль. Причем на сцене разыгрывается не драма, а, скорее, оперетта. Настолько неправдоподобны были почти

все действующие лица. В итоге, воспроизводя сейчас в памяти это заседание Обвинительной палаты – оно состоялось в марте 1998 года, – я попытаюсь его представить в не совсем обычном виде.

Итак,

«МЫШИНАЯ НОРА»

Либретто для оперетты

Публикуется с комментариями автора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Председатель Обвинительной палаты Женевы: исполняет Мишель Крибле.

Члены суда: исполняют Кристиан Марфюр и Пьер Пашу.
Бельгийский адвокат: исполняет президент ассоциации адвокатов Бельгии Ксавье Манье.

Швейцарские адвокаты: исполняют мэтр Алек Реймон и мэтр Ральф Освальд Изенеггер.

Обвиняемый: вынужденно исполняет Сергей Михайлов.

Охрана: исполняют швейцарские полицейские и вооруженная охрана тюрьмы Шан-Долон и женевского Дворца правосудия.

Пресса: исполняют швейцарские и зарубежные журналисты. Шумовые эффекты за сценой: исполняют лжесвидетели Николай Упоров, Майкл Шранц, Роберт Левинсон и др.

Автор сценария и постановщик спектакля – судебный следователь Жорж Зекшен.

Главный дирижер спектакля – прокурор Жан Луи Кроше.

Место действия – зал «П» женевского Дворца правосудия.
Время действия – конец XX века.

Предваряя само действие, сразу хочу предостеречь читателей от возможно неверных выводов. Кому-то может показаться, что авторы спектакля остановили свой выбор на оперетте, предпочитая столь легкомысленный жанр иным, или потому, что более серьезные жанры им оказались не по плечу. Смею заверить, что господа, занимающиеся постановкой и увлеченные дирижерскими импровизациями, весьма искусны и опытны в своем деле. А оперетту они выбрали потому, что именно этот единственный жанр позволяет серьезно говорить об абсурдном, скрупулезно использовать то, чего в природе вовсе не существует.

Возьмем, к примеру, классическую для сцены ситуацию, когда муж на балу не узнает свою жену только потому, что она надела другую шляпку. Согласитесь, что такое возможно только в оперетте, и нигде больше. А где еще, как не в оперетте, при развитии трагических событий играет веселая музыка, а герои лихо пляшут. Надеюсь, этот небольшой экскурс в историю оперетты помог мне доказать, что этот, с позволения сказать, легкий жанр был выбран авторами постановки вполне осмысленно, ибо открывал перед ними совершенно чудодейственные возможности и перспективы. Ну а теперь – непосредственно к действию.

Открываются двери, зрители занимают свои места. Зал Обвинительной палаты декорирован деревом, на сцене воз-

вышаются черные кресла членов суда, слева – дирижерский пульт, то бишь трибуна, место за которой через несколько минут займет дирижер-прокурор. Внизу, у ног его, расположатся обвиняемый, защита, переводчики, охрана. Мебель в зале казенная. Крепкие деревянные скамьи ничем не отличаются друг от друга – ни те, на которых сидят зрители, ни те, на которых отведено место обвиняемому. Может, это проявление высшей демократии, а может, и намек со стороны швейцарской юстиции: дескать, сегодня он в этом зале зритель, а завтра может переместиться на несколько рядов вперед и занять скамью подсудимых с теми же основаниями, с которыми сегодня занимает это место Сергей Михайлов.

ПЕРВЫЙ АКТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Председатель палаты открывает заседание и предоставляет слово прокурору Жану Луи Кроше.

– К настоящему моменту судебный следователь завершил расследование, – заявил прокурор. – Дело передано в прокуратуру для составления обвинительного заключения. Полагаю, что судебный процесс должен состояться в мае нынешнего года. Прокуратура в моем лице требует продлить предварительное заключение господина Михайлова на три месяца, поскольку если процесс начнется в мае, то он, возможно, будет закончен до 6 июня, что является окончанием трехмесячного срока, начинающегося сегодня. Я катего-

ри-чески возражаю против освобождения обвиняемого, так как существует реальный риск сговора с целью обмана суда. Учитывая, что у господина Михайлова нет родственных связей в Швейцарии, существует также реальный риск его побега из страны. Несомненно, что даже перечисление крупного денежного залога не предотвратит его побега из страны.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ЛИБРЕТТО

У кого-то может сложиться впечатление, что господин Кроше дурно исполняет свою роль. Я вынужден заступиться за дирижера. Как уже было сказано, он весьма искушен в своем деле. И постоянные посетители Дворца правосудия знают, как может блеснуть Жан Луи Кроше. О, как бывал он красноречив на этой сцене, к каким блистательным метафорам и разящим сравнениям прибегал! Как замороженные, бывало, следили судьи за его манипуляциями дирижерской палочкой и, являя собой слаженный ансамбль, исполняли мелодии в дирижерской трактовке прокурора.

Что же произошло на сей раз? Да в том-то и дело, что – ничего. Зачем распылять свой талант, если финал заранее предопределен? Прокурор, как всегда, утверждал, что за прошедшее время у защиты не появилось никаких новых аргументов. На самом же деле он исполняет хорошо отработанный классический опереточный прием, когда подгулявший муж вместо того, чтобы оправдываться, начинает во всех грехах обвинять свою жену. А что, собственно,

говорить прокурору? На протяжении полутора лет «постановщик» Жорж Зекшен вместе с «дирижером» Жаном Луи Кроше пытались доказать причастность Сергея Михайлова к русской мафии, к преступлениям, которые он якобы совершил в Израиле и в других странах.

В результате из России, Израиля и других стран, куда отправлялись запросы и неоднократно выезжал сам Зекшен, пришли официальные ответы, что у правоохранительных органов этих стран никаких претензий к господину Михайлову нет.

Людам, причастным к театру, хорошо известно, какой важный фон могут создать шумовые эффекты за сценой. Не найдя никаких фактов, подтверждающих вину заключенного, постановщики спектакля занялись подготовкой шумовых эффектов. И находящиеся за сценой лжесвидетели полностью оправдали свое назначение. Есть старый как мир театральный прием. Когда нужно создать на сцене или за сценой сильный, все заглушающий шум, группа статистов начинает вразнобой, но очень громко произносить одну и ту же фразу, многократно ее повторяя: «Что говорить, если нечего говорить, что говорить, если нечего говорить...» Практика театральных постановок показала, что именно эта глупость и бессмыслица создают впечатление наибольшего шумового эффекта.

Если вновь внимательно прочитать показания свидетелей, вернее, как теперь уже доказано, лжесвидетелей Николая

Упорова, Роберта Левинсона, Майкла Шранца, Александра Абрамовича и парочки им же подобных, то коротко их показания можно было бы резюмировать все той же пресловутой фразой: «Что говорить, если нечего говорить». Упоров работал в московском РУОПе, уволившись, бежал в Швейцарию. Ни одно из его показаний не имеет документального подтверждения. В «доказательство» он произносит туманно одно и то же: «Я основываюсь на оперативных данных». И хотя ни один суд в мире никогда не выносил обвинительный приговор, основываясь на оперативных данных, следствие продолжает упорно величать Упорова (простите за тавтологию, честное слово, не нарочно) главным свидетелем обвинения, и его бред скрупулезно протоколируется. Агент ФБР Роберт Левинсон от Упорова отличается разве что местом жительства. А так – близнецы-братья. Та же необузданная фантазия, не подтвержденная никакими документами. Если поверить Левинсону в том, что он действительно занимался этим на территории России, то эту деятельность следует охарактеризовать не иначе как шпионской.

Сегодня в своих показаниях он ссылается на некие «источники информации». Что за «источники» – никому не ведомо, а сам Левинсон тайны не раскрывает, призывая, как и Упоров, верить ему на слово. Впрочем, какова цена информации его «источников», уже имели возможность убедиться и судьи Обвинительной палаты, и участники проходившей в Москве международной пресс-конференции. В свое время

перед судьями, а чуть позднее перед журналистами предстал Леонид Орлов, тот самый Орлов, которому – напомним, если кто забыл, – по указанию Михайлова выкололи глаз. Тогда в Москве журналисты минут десять сверкали блицами своих камер, запечатлевая на пленке совершенно здорового, без всяких физических изъянов человека. Но это как раз нормально, это именно в духе оперетты – человек без глаза вдруг оказался с глазами. Я потому и напомним об этом эпизоде еще раз, что он как раз укладывается в сценарий оперетты и более никакому жанру не подошел бы.

Не меньших успехов в опереточном жанре достигли постановщики со свидетелем Майклом Шранцем. Он, опять-таки напомним, слышал разговор Сергея Михайлова в 1995 году и из этого разговора сделал вывод, что господин Михайлов принадлежит к криминальным структурам. Потом, правда, Шранц вспомнил, что Михайлов поручил ему еще и серию убийств. Тут уже пахнет не опереттой, а нескончаемыми бразильскими и мексиканскими сериалами, где герои не только плачут, но и постоянно теряют память. Так вот, когда гражданина Австрии Шранца спросили, насколько хорошо он знает русский язык, чтобы судить о сути разговора Сергея Михайлова, он ответил, что русский язык до 1995 года понимал прекрасно, а вот в 1996 году забыл начисто. Ну просто до такой степени, что теперь ни одного слова вспомнить не может.

Кто-то из зрителей, вернее, читателей может усомнить-

ся: да неужто возможно, что в таком серьезном деле свидетели подобрались один к одному – сбежавший из России в Швейцарию бывший милиционер, сбежавший из Австрии в США бывший охранник фирмы, которого разыскивает полиция его страны, сбежавший из России в Америку бизнесмен, против которого на его родине возбуждено уголовное дело, уволенный из ФБР агент, который непонятно где провел три года. Но напомним, что постановщиками нашего спектакля был избран именно жанр оперетты, где подобные абсурды не просто возможны, но возведены в степень нормы. Такой нормой следователь и прокурор посчитали изъятие из досье всех документов оправдательного характера, а также полное игнорирование всех свидетелей со стороны защиты.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

После выступления прокурора слово предоставляется адвокатам.

– Арестовав Михайлова без всякой причины, следствие засекретило досье, чтобы оправдать свои действия, – заявил мэтр Ральф Освальд Изенеггер. – У следствия нет ровным счетом никаких доказательств вины. Михайлов не преследуется законом других стран, он не совершил ни одного преступления в Швейцарии. Михайлова лишают его священного права на защиту, и мы, адвокаты, вынуждены были в связи с этим обратиться в Европейский суд по правам личности, откуда ожидаем ответа.

Мэтр Алек Реймон:

– Более года следствие велось неспешно, оно никуда не торопилось, а в основном блуждало в закоулках административных правил. И вдруг теперь прокурор заявляет, что следствие закончено, составляется обвинительное заключение, и, по его мнению, дело уже в мае будет рассмотрено одной из судебных инстанций. Откуда такая поспешность?

Мэтр Ксавье Манье:

– Однажды Мартин Лютер Кинг рассказал, что ему приснился сон: он находится в тюремной камере. Мартин признался, что это был самый кошмарный сон в его жизни. Но сны хороши хотя бы тем, что они, даже самые кошмарные, быстро заканчиваются. Заключение же Сергея Михайлова уже длится более семнадцати месяцев, так что его кошмар просто невероятен. Он кошмарен еще и тем, что человека содержат в тюрьме без всякого на то основания, не имея никаких доказательств его вины. Все так называемые улики, собранные следователем, рассыпались одна за другой, дело оказалось пустым, да, по сути, и нет никакого дела. Я бы мог сказать, ознакомившись со следственным досье, что гора родила мышь. Но даже так говорить нельзя, потому что нет никакой горы, есть просто мышиная нора.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ЛИБРЕТТО

Остроумный бельгийский адвокат с присущим ему блеском экспромтом дал название этой отвратительной по смыс-

ду постановке – «Мышиная нора». Все точно и очень в духе оперетты. События больше года развивались весьма неспешно. Так неспешно, что несколько раз своими решениями Обвинительная палата обязывала следователя Зекшена активизировать свою деятельность. Сразу после таких решений Зекшен отправлялся в длительный зарубежный вояж, где снова и снова опрашивал людей, уже не единожды им опрошенных. Ни одного нового документа после этих допросов в досье не появлялось. И вот теперь – бах-трах – прокурор заявляет: следствие закончено, приступаем к составлению обвинительного заключения, в мае начинаем процесс. Получается, что человек ничто, меньше даже песчинки в понимании этих людей, которые кичатся тем, что олицетворяют западную демократию. Поэтому не только прокурор, но и председатель Обвинительной палаты Мишель Крибле позволил себе быть немногословным, ибо решение уже принял заранее. А означает сие, что адвокаты в сроки, определенные прокурором, должны ознакомиться с обвинительным заключением, а судьи – в сроки, опять-таки прокурором назначенные, – рассмотреть дело и провести судебное следствие. Да где же такое видано?! Только в оперетте, но никак не в зале суда, где не под музыку, а на самом деле решается или по крайней мере должна решаться судьба человека.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Слово предоставляется Сергею Михайлову.

– Я остаюсь на своих позициях и утверждаю, что я невиновен. Прокурор высказывает предположение, что, если меня выпустят до суда, я могу скрыться. Но это абсурд. У меня в Швейцарии закрытые банковские счета, здесь мои партнеры по бизнесу. Разве это не гарантия того, что я никуда не скроюсь? Я хотел бы обратить внимание членов Обвинительной палаты на то, что нарушаются процедурные нормы. Во время допроса господина Упорова мои и его ответы переводит на русский язык переводчица, недо-статочно хорошо знающая русский язык. Мои же требования заменить переводчицу на более квалифицированную воспринимаются как каприз. Несмотря на мои настоятельные требования, так до сих пор не допрошен ни один из моих свидетелей. Как же я могу в таких условиях защищаться, доказывать свою невиновность? И сегодня у членов Обвинительной палаты я прошу только одного – объективности.

АНТРАКТ

Действующие лица покидают сцену, зрители выходят из зала. Антракт обычный, он занимает столько времени, сколько обычный антракт в обычном театре. Через полчаса все возвращаются в зал. Поднимается занавес.

ВТОРОЙ АКТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Председатель женевской Обвинительной палаты Мишель

Крибле оглашает решение продлить Сергею Михайлову содержание под стражей на три месяца.

Занавес опускается.

Заседания Обвинительной палаты проводились каждые три месяца и являлись логическим следствием того правового беспредела, которым отличалось следствие по делу Сергея Михайлова. Хотя текст решения палаты каждый раз составлялся заново, содержание документа не изменялось. Собственно говоря, составление новых текстов с периодичностью в три месяца нужно было председателствующему Мишелю Крибле лишь для того, чтобы создать видимость взвешенного подхода к каждому последующему решению. Даже многоопытные адвокаты были поражены и обескуражены этими решениями. Суть их оставалась неизменной: в связи с тем, что существует опасность сговора (как вариант – побега из страны), меру пресечения Сергею Михайлову оставить прежней – содержание под стражей. Никакие доводы защиты на Мишеля Крибле не действовали. Даже когда Жорж Зекшен находился в отпуске и вовсе не допрашивал Михайлова, Крибле все равно в своих решениях отмечал, что у следствия появились новые факты. Лишь однажды под напором адвокатов он вынужден был включить в текст решения фразу о том, что следствие ведется слишком медленно и господину Зекшену следует ускорить расследование, вести его более интенсивно. Адвокаты было воспрянули духом, это измене-

ние стандартного текста они расценили как предзнаменование того, что вскоре будет готово обвинительное заключение и дело передадут в суд. Но Зекшен сие предписание воспринял, а вернее, использовал по-своему: он отправился в очередной вояж, еще раз побывал в Израиле, Бельгии, Америке, где опять допрашивал тех, кого уже не раз допрашивал прежде. Список свидетелей обвинения оставался неизменным, но это почти кругосветное путешествие снова дало формальную возможность Зекшену отказаться от допроса свидетелей защиты. Следователь был надежно прикрыт прокурором Кроше и председателем Обвинительной палаты Крибле и потому действовал, а вернее, бездействовал совершенно безбоязненно. В результате многочисленных жалоб Сергея Михайлова и его адвокатов юридические власти кантона Женева отстранили Мишеля Крибле от ведения уголовного дела Михайлова, но это произошло уже незадолго до суда.

От первого лица Сергей МИХАЙЛОВ:

Конечно, условия в Шан-Долоне не сравнить с условиями содержания заключенных в российских тюрьмах. В женевской тюрьме у меня были возможности для занятий спортом, в камере я находился один, и мне никто не мешал читать, изучать материалы дела. Там есть специальные комнаты, где можно отправлять религиозные обряды. Сначала я посещал

службы, которые вел протестантский священник, но после одного эпизода перестал к нему ходить. Этот священник читал какую-то проповедь и, обращаясь к другим заключенным, сказал примерно такую фразу: «Вот видите, даже мафия слушает с вниманием», – и при этом взглянул на меня. Больше я у него не появлялся. Прошло примерно полгода, и на Пасху этот священник сам меня навестил, принес пирог. «Господин Михайлов, – обратился он ко мне, – я прошу меня извинить, если я что-то не так сказал». Но я к тому времени еженедельно посещал католического священника Алана Рене Арбе. С ним мы вели многочасовые беседы, порой даже спорили, но беседовать мне с ним всегда было очень интересно. Хотя Алан Рене мог говорить и на русском языке, мы беседовали только на немецком по моей просьбе. Так что встречи со священником давали и неплохую языковую практику.

После того как мне запретили выходить на прогулки с другими заключенными, мое общение было крайне ограниченным. Тюремные новости я теперь узнавал только от своих соседей по коридору, когда мы вместе завтракали или ужинали. Тюремная администрация мне не раз предлагала питаться в камере. Эти предложения объяснялись заботой о моей безопасности, но я всякий раз отказывался и продолжал питаться вместе со всеми. Я не искал чьей-то дружбы или более тесных контактов, но и находиться постоянно в полной изоляции было тоже тяжело. К тому же иногда от других заклю-

ченных можно было услышать какую-то полезную информацию.

Вскоре после ареста мне довелось встретиться с консулом Израиля в Швейцарии Стеллой Раап. Эта дама приехала в тюрьму специально для встречи со мной, а к тому времени у меня кроме российского уже было израильское гражданство. Я ожидал, что она примет какое-то участие в моей судьбе, а вместо этого она привезла какую-то анкету, в которой было, если мне память не изменяет, семнадцать вопросов. Я ответил на все эти вопросы, и мадам консул, практически так меня и не выслушав, уехала. В Шан-Долоне некоторое время находился еще один заключенный израильтянин. Он говорил на русском языке, но наши встречи с ним ни у кого не вызывали подозрений. Тюремная администрация получила указание, чтобы было исключено мое общение с гражданами России. А поскольку этот человек являлся гражданином Израиля, хотя и русскоговорящим, то нам общаться никто не запрещал. Он тоже встречался с консулом. Однажды он подошел ко мне после обеда и сказал: «Знаешь, Сергей, консул опять приезжала, я ей сказал, что меня беспокоит судьба еще одного израильтянина. Она спросила, о ком я говорю, и я назвал твое имя. А консул мне говорит: “Кроме вас, в этой тюрьме других израильтян нет. Во всяком случае, я так считаю”». После этого разговора я понял, что на помощь мадам консул мне рассчитывать не приходится.

Были в тюрьме и просто интересные встречи. Однажды,

а это было в то короткое время, когда мне еще разрешались совместные прогулки, ко мне подошел очень высокий худой человек. По-русски он спросил, на каком языке мне удобно с ним разговаривать. Я ответил, что русский язык меня вполне устроит. Этот человек пояснил: «Я слышал, что у вас есть израильское гражданство, поэтому, если хотите, можем говорить на иврите. Можно также говорить на английском, на немецком, на французском и даже на китайском. Все эти языки я знаю, как родной». Я удивился такому обращению и повторил, что русский язык меня вполне устраивает. После этого человек довольно церемонно представился: «На разных языках мое имя звучит по-разному, вы по-русски можете называть меня Владимир, а фамилия моя Дзержинский». Я на него взглянул, ему бы бородку – и вылитый Феликс Дзержинский. Необычна и интересна судьба этого поистине необыкновенного человека. Он сын старшего брата Железного Феликса. В начале тридцатых годов Владимир Дзержинский вместе со своей матерью был отправлен Менжинским в лагерь. Но матери удалось каким-то образом переправить Сталину письмо. Это был один из тех редких случаев, когда Сталин кого-то освобождал. Но мать долго не прожила, и Володю усыновила жена Дзержинского. На семейном совете решили, что парень должен пойти по стопам своего дяди, и он закончил высшую школу КГБ. Но чекистом так и не стал. Начались его мытарства по свету. Он учился в университетах Америки и Англии, потом отправился

в Китай, где изучал восточную медицину. Человек блестящих способностей, он растратил свою жизнь впустую и сам это прекрасно понимает. Запутался в своих семейных отношениях: жена и дети в Швейцарии, жена и дети в Китае... После учебы в Китае занялся врачеванием, сошелся с одной из своих пациенток, а та обвинила его в изнасиловании. Вот так он и оказался в Шан-Долоне. Здесь с ним сыграли злую, я бы даже сказал, бесчеловечную шутку. Следовательно, который вел дело Владимира, сказал ему на последнем допросе: «Господин Дзержинский, я убежден, что вы не насиловали свою пациентку, а связь ваша произошла по обоюдному согласию. Следствие по вашему делу закончено, подпишите вот этот протокол, и через несколько дней вас освободят. Только обещайте мне, что впредь будете более разборчивы в ваших связях с женщинами». Владимир от радости прослезился, горячо и долго благодарил следователя за то, что тот сумел разобраться в истине. Он вернулся в камеру, а на следующий день ему объявили, что его ждет суд и судить его будет большое жюри присяжных – 12 человек. По швейцарским законам большое жюри присяжных заседает только тогда, когда предполагаемый срок подсудимого не может быть меньше пяти лет. Потрясение обманутого было столь велико, что Дзержинский оказался в реанимации. Врачи его выносили, и ему все же пришлось предстать перед судом присяжных, которые признали его виновным. Сейчас, насколько я знаю, он отбывает срок наказания в одной из швейцарских

тюрем и пишет книгу воспоминаний. Если эта книга увидит свет, не сомневаюсь, что она будет интересной и поучительной. Но мне с Дзержинским удалось встречаться только на прогулках в течение двух недель, а потом следователь Зекшен настоял на том, чтобы я гулял в полной изоляции, и меня для прогулок стали выводить на крышу. Крыша тюрьмы Шан-Долон представляет собой бетонный плац шириной метров пятнадцать и длиной более двадцати метров. На высоте двух с половиной – трех метров натянута металлическая сетка. Вот там я все два года и гулял в полном одиночестве. Если, конечно, не считать надзирателя. Понятно, что ни о какой моей безопасности никто и не думал, да и какие были основания предполагать, что в тюрьме на меня может быть совершено покушение? Глупость все это. Скорее всего, это просто была дополнительная мера психологического воздействия. Внизу играют в футбол грабители, убийцы, наркоманы, а ты в одиночестве под этой сеткой ходишь взад-вперед, ну точно как по клетке.

Вообще я думаю, что вся эта ситуация с якобы готовившимся на меня покушением была чистой выдумкой Зекшена. Он всем этим просто искусственно повышал значимость дела. Во время моих прогулок с внешней стороны тюрьмы постоянно дежурили три машины со спецназовцами. В тюремном дворе находился вертолет наготове. А в субботние и воскресные дни этот вертолет поднимали в небо над тюрьмой. На допросы меня вывозили в двух бронежилетах. Пер-

вый, легкий, предназначался для защиты от пистолетных выстрелов, а второй, тяжелый, – от автоматных. Возили меня на допросы всегда в бронированном автомобиле, это был либо «мерседес», либо БМВ, либо «ауди», а спереди и сзади шли еще две машины. Так что во Дворец правосудия каждый раз отправлялся целый кортеж. Во Дворце меня принимали четыре автоматчика и, не снимая с меня наручников, вели к следователю. Это путешествие было дополнительной издевкой. Меня не вели к следователю напрямую, а проводили по всем коридорам. С грохотом открывались двери, короче говоря, устраивался целый спектакль.

А какие на меня надевались наручники! Не простые, а прикованные к специальному поясу. То есть на меня надевали пояс, а потом руки заковывали в наручники, так что я рук даже поднять не мог. А перед допросом помещали в специальную клетку, где даже пошевелиться нельзя было от тесноты. Да что там пошевелиться, когда у меня руки прикованы, по сути, к поясу. Сижу, обливаюсь от жары и не могу даже пот с лица стереть. Иногда в клетке приходилось сидеть по нескольку часов, а перед допросом с Упоровым меня Зекшен продержал взаперти, скованного, целых семь часов. А на все мои протесты отвечали одно: «Мы не обязаны вам докладывать, когда начнется допрос».

Но что были эти допросы и унижения по сравнению с заседаниями Обвинительной палаты? На каждое из этих заседаний я отправлялся с надеждой. С надеждой на справедли-

вость. Но, как выяснилось потом, все заранее было подготовлено. Никто не собирался слушать ни мои доводы, ни аргументы моих адвокатов. Меня не просто поражал, меня бесил неприкрытый цинизм Крибле, с которым он вел заседания палаты, с которым зачитывал решения по поводу того, что сейчас у следствия нет, но обязательно появятся новые доказательства моей вины.

Не в меньшей степени изощрялся и Зекшен. Он же не мог мне сказать открыто, что засадит меня за решетку. Но намекал достаточно прозрачно. «Учите французский язык, господин Михайлов», – советовал он мне всякий раз на прощание, давая понять, что еще долгие годы мне надо будет говорить в заключении по-французски. Частенько Зекшен попросту спрашивал: «Ну скажите сами, господин Михайлов, что вы ви-новаты, зачем вам меня мучить, я ведь все равно найду?» Да, этот цинизм следователя, прокурора, председателя палаты меня часто злил и даже выводил, хотя и не надолго, из равновесия. Но я не позволял себе расслабляться и никогда не впадал в депрессию. Моя камера была самой чистой в тюрьме, я каждый день драил ее до блеска. Занимался спортом, много читал, анализировал ситуацию, те документы, которые мне были доступны. Зекшен ждал, и говорил об этом открыто, моего срыва. Но напрасны были его ожидания. Я однажды ему даже сказал: «Господин Зекшен, вам проще убить меня, потому что сломать все равно не удастся».

Что мне помогло все это выдержать? Я обычный человек,

меня иногда посещали и сомнения и отчаяние. Поддерживали меня вера в собственную невиновность? Безусловно. Но я предполагал, что следствие может пойти на любой подлог и тогда невиновность доказать будет трудно, если не сказать – невозможно. А выстоять, выдержать все, по большому счету, помогла мне вера в Бога.

Глава третья

«ВЫ НЕ УБИВАЛИ ЛИСТЬЕВА?»

Документы уголовного дела № Р9880/96

Генеральная прокуратура Российской Федерации г.
Москва, ул. Б. Дмитровка, 15а
11.08.97. №18/171837-97

Федеральный департамент правосудия и полиции Швейцарской конфедерации

Отдел по международным делам

Секция международной судебной взаимопомощи Господину П. Госэну

Уважаемый господин Госэн!

Генеральная прокуратура Российской Федерации свидетельствует свое уважение Федеральному департаменту правосудия и полиции Швейцарской Конфедерации и имеет честь сообщить следующее. В соответствии с обращением об оказании юридической помощи и в связи с имевшейся предварительной информацией о незаконном уничтожении уголовного дела, по которому Михайлов С.А. был осужден

в 1984 году, а также об уничтожении базы компьютерных данных о его судимости и аресте в 1989 году, мною 9 июня 1997 года было возбуждено уголовное дело. Предварительное следствие по нему проводилось следователем по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

...2 августа 1984 года Президиумом Московского городского суда он (Михайлов. – О.Я.) был осужден по ст. 93 ч. 2 к трем годам условно. 7 декабря 1989 года Михайлов арестован следственным управлением Главного управления внутренних дел г. Москвы по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 95 часть 3, предусматривающей ответственность за вымогательство государственного, кооперативного или общественного имущества... Освобожден из-под стражи 30 июля 1991 года по постановлению прокуратуры г. Москвы. Данное уголовное дело в отношении Михайлова прекращено по пункту 2 статьи 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления.

Как следует из справки оперативно-справочного отдела ГУВД Московской области, гражданин Михайлов не значится в розыске, объявленном правоохранительными органами Российской Федерации.

Следствием установлено, что в зональном информационном центре ГУВД г. Москвы и информационном центре ГУВД Московской области сведения о судимости Михайлова С.А. в 1984 году... о его аресте в 1989 году и освобождении

из-под стражи в 1991 году НЕ УНИЧТОЖЕНЫ (выделено мной. – О.Я.).

Принятое решение о прекращении дела по указанным основаниям признано законным и обоснованным. Тем самым считаю, что российская сторона в полном объеме выполнила обращение следственного судьи господина Жоржа Зекшена об оказании юридической помощи по делу, касающемуся Михайлова С.А.

К сожалению, с января 1997 года и до настоящего времени мы не можем получить от швейцарских компетентных властей ответ на обращение следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации Петра Трибоя об оказании аналогичной помощи по поводу проверки банковского счета Владислава Листьева, убитого 1 марта 1995 года в Москве. По этому же вопросу через Министерство иностранных дел России в мае 1997 года за моей подписью направлялось обращение в адрес федерального прокурора Швейцарской Конфедерации Карлы дель Понте. Но и это обращение осталось пока без ответа.

Примите, господин Госэн, уверения в моем весьма высоком к Вам почтении.

Заместитель генерального прокурора Российской Федерации М.Б. КАТЫШЕВ

Республика и кантон Женевы Судебные органы
Офис судебного следователя Женева, 22 октября 1997 года
площадь Бург де Фур, 1.

Судебный следователь: г-н Ж. Зекшен Секретарь суда: мадам В. Портье

Протокол судебного заседания

В присутствии господина Питера Ж. Трибоя – следователя по особо важным делам прокуратуры Российской Федерации. Присутствует по решению от 27 мая 1997 года.

В сопровождении переводчицы – мадам Натальи Козиенко.

В присутствии переводчицы – мадам Коринн Биллод, приведена к присяге.

В присутствии адвокатов Ральфа Освальда Изенеггера, Алека Реймона.

Господин Сергей Михайлов обвинен, привезен из тюрьмы, дает показания.

Судебный следователь сторонам:

Сегодняшнее заседание проводится по просьбе Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Вопрос:

Где находился господин Михайлов в период с февраля по апрель

1995 года?

Господин Михайлов:

С середины 1993 года и по настоящее время я не возвращался в Россию. С февраля по июнь 1995 года я официально

но находился в Австрии. С июля 1995 года моя семья и я поехали на каникулы в Испанию. С сентября 1995 года моя семья переехала в Швейцарию.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Владислава Листьева? Если да, то при каких обстоятельствах вы познакомились, какие между вами отношения?

Господин Михайлов:

Я знаю господина Листьева с момента его появления на телеэкране. Я не знаю господина Листьева лично, мы никогда не встречались.

Вопрос:

Что знает господин Михайлов об убийстве господина Листьева?

Господин Михайлов:

Я узнал об обстоятельствах убийства Листьева по публикациям в прессе.

Вопрос:

Как объяснит господин Михайлов информацию в российской и иностранной прессе о его причастности или причастности группировки «Солнцевская» к убийству Владислава Листьева?

Господин Михайлов:

Я ничего не могу сказать о группировке «Солнцевская» ввиду того, что я ничего не знаю о существовании такой группировки. Что касается слухов о моей причастности к

убийству господина Листьева, то я считаю, что мои конкуренты хотят смешать меня с грязью.

Вопрос:

Может ли господин Михайлов посоветовать что-нибудь российским правоохранительным органам в отношении раскрытия убийства Листьева?

Господин Михайлов:

Мой ответ следующий. Надо действовать, как в криминальных романах: искать человека, которому выгодно это преступление. Я ничего не могу сказать точно.

Вопрос:

Есть ли у господина Михайлова знакомые или друзья в России или Израиле, которые связаны с телевидением? Если есть, какие вопросы они обсуждают вместе?

Господин Михайлов:

У меня нет таких знакомых и друзей.

Вопрос:

Есть ли у господина Михайлова знакомые или друзья с коммерческими интересами к телевидению?

Господин Михайлов:

У меня таких друзей нет.

Вопрос:

Следствие располагает информацией, что господин Михайлов обсуждал возможность трансляции российского телеканала 2x2 в Израиле. Он хотел пустить рекламу на израильские товары на русском языке. Что вы можете сказать по

этому поводу?

Господин Михайлов:

Я помню, что ко мне обращались с предложением по поводу израильского телевидения, но оно было такое неубедительное, что я отказался. С такими обращениями ко мне обращались десятки лиц в Израиле, мне иногда приходилось отказываться от 10—15 предложений в день.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Сергея Федоровича Лисовского?

Господин Михайлов:

Знаю только по сообщениям прессы, лично с ним не знаком.

Вопрос:

Знает ли господин Михайлов Вячеслава Иванькова по кличке

«Япончик» и Тохтахунова Алимжона по кличке «Тайванчик»? Какие у него отношения с данными лицами?

Господин Михайлов:

О господине Иванькове знаю только через прессу, лично с ним не общался. Господина Тохтахунова не знаю.

Вопрос:

Господин Михайлов может задать вопросы или сообщить следствию важные сведения?

Господин Михайлов:

Я хотел бы попросить господина Трибоя обсудить с гене-

ральным прокурором России вопрос о происхождении ложных документов, которые были переданы в следственные органы Женевы по моему делу. В начале следствия были проблемы с переводом, и пресса воспользовалась этим.

В следственной процедуре используются документы, полученные из России не вследствие судебных поручений.

Я также заявляю о нелегальном приезде в Швейцарию майора милиции Николая Упорова, который дал против меня ложные показания.

Я прошу генерального прокурора России подтвердить, что в отношении меня нет никаких компрометирующих документов в РУОПе.

Я надеюсь, что настоящий протокол будет передан состязательной стороне. Я даю согласие на то, чтобы копия настоящего протокола была передана господину Трибою.

После перевода ознакомился, в чем и подписываюсь С. Михайлов.

* * *

Появлению в Женеве следователя российской Генпрокуратуры Петра Трибоя предшествовало множество событий. Еще в начале 1997 года на одном из допросов следователь Зекшен заявил Михайлову, что с ним хочет встретиться представитель прокуратуры России.

– Ну, что вы на это скажете, господин Михайлов? – по обыкновению растягивая слова, спросил Зекшен, вероятно,

в полной уверенности, что Сергей откажется.

– Не вижу никаких оснований возражать против этой встречи. Если хочет поговорить со мной, пусть приезжает, – спокойно ответил Михайлов.

Зекшен должен был оформить соответствующие документы, но, получив согласие Михайлова на беседу с Трибом, моментально потерял к этому всякий интерес. Вот если бы подследственный отказался встречаться с работником российской прокуратуры, тогда дело другое – можно было бы этот отказ объяснить тем, что в России Михайлов совершил злодеяние и теперь опасается правоохранительных органов этой страны.

В тот же самый период по своим адвокатским делам побывал в прокуратуре Сергей Пограмков. Запрашивая какой-то необходимый ему документ, Пограмков выслушал упрек: что вот, мол, документы требуете, а ваш подзащитный не хочет встречаться с нашим следователем. Зная от швейцарских адвокатов об ответе Михайлова по этому поводу, Пограмков уверил работников прокуратуры, что ни-какого сопротивления этой встрече Михайлов не оказывает. И вновь полетели в обе стороны официальные письма. Конечно, у женевских властей не было ни малейших оснований отказывать Трибою в допросе. Но женевцы хотели получить из России хоть какой-нибудь документ, подтверждающий вину Михайлова. И тогда Зекшен попросил Департамент полиции направить в Россию официальный запрос по поводу сведений о пре-

ступлениях Михайлова, якобы уничтоженных в компьютерной базе МВД. Эта очередная инсинуация против Михайлова была состряпана «гением» Упорова и Зекшена.

На одном из допросов Зекшен задал Упорову вопрос, почему, на его взгляд, правоохранительные органы России присылают в Швейцарию документы, из которых следует, что Михайлов не имеет судимости и правоохранительными органами не преследуется. Упоров ответил, что Михайлову удалось стереть из компьютерной базы МВД России все данные о себе и потому в информационных центрах он не числится. Выслушав такое утверждение, Сергей Михайлов задает резонный вопрос:

– Но ведь ответы приходят не только по линии милиции, но и из прокуратуры. Или вы полагаете, что и в прокуратуре Российской Федерации я уничтожил все данные о себе?

На этот вопрос последовал ответ, столь же глупый по форме, как «смелый» по содержанию: прокуратура-де в России не обладает полнотой юридической власти и не располагает должной информационной базой.

Российская прокуратура не стала заверять швейцарскую юстицию в том очевидном факте, что является органом надзорным. Здесь просто, как сказано в ответе заместителя прокурора России Катышева, возбудили уголовное дело, провели тщательное расследование и сообщили, что все данные о Сергее Михайлове, которые должны быть в информационных центрах, находятся на месте, никем не уничтожались.

Ответом на упрек заместителя прокурора, со-державшийся в заключении письма, стало приглашение следователя Трибоя в Женеву.

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Все допросы Упорова проводились посредством видеомонитора, но слышимость была хорошей, и я мог разобрать не только все вопросы и ответы, но и реплики, которыми обменивался Зекшен с Упоровым. Меня возмутило, что следователь конструирует вопросы таким образом, что в самих этих вопросах содержится ответ-подсказка. Однажды я не выдержал и прямо заявил об этом следователю: «Господин Зекшен, вы же подсказываете свидетелю ответы, разве так можно?» На что Зекшен мне ответил, что такова процедура ведения допроса и я не имею права в ход этой процедуры вмешиваться.

В октябре 1997-го Зекшен вызвал меня на допрос и представил мне следователя Генеральной прокуратуры России Петра Трибоя. После прохождения всех необходимых формальностей вопросы мне начал задавать швейцарский следователь. Я был удивлен и не считал нужным скрывать удивления:

«Петр Георгиевич, что происходит, почему вы сами не задаете мне своих вопросов? Дело в том, что я, пользуясь своим правом молчания, не отвечаю на вопросы следовате-

ля Зекшена, о чем мной сделано официальное заявление». Трибой ответил, что такова процедура ведения допросов в Женеве. Он добавил, что все вопросы, которые задает следователь Зекшен, подготовлены им, Трибоем, и убедительно попросил меня не отказываться от ответов. Я заметил, что буду считать, что вопросы задает мне российский следователь, и согласился отвечать. В ходе допроса я еще несколько раз обращался к господину Трибоем и видел, как злило это Зекшена. Но на все вопросы я все же ответил: мне скрывать было нечего. Газетные статьи, связывавшие мое имя с убийством Листьева, я расценивал просто как очередную клевету, которая меня, собственно, не очень-то уже и удивляла. К тому времени я привык, что любое преступление в России непременно пытаются так или иначе связать с моим именем.

В газетах мне очень часто приходилось видеть рубрику «журналистское расследование». Иногда я поражался тому, как журналисты способны раскопать факты, не известные никому. Но в отношении меня никаких журналистских расследований никогда не проводилось. Газеты и телевидение с удовольствием использовали любую сплетню или вымысел и не собирались ничего проверять.

Их не интересовало, что к моменту убийства Листьева я уже несколько лет как покинул Россию, что я никогда не был знаком с этим человеком и не имел никаких дел с телевидением. К убийству Листьева я имел точно такое же отношение, как и ко всем другим преступлениям, которые пытался

«навесить» на меня Зекшен.

* * *

В декабре 1989 года в Москве арестовали шестерых работников кооператива «Фонд». Среди арестованных значился и Сергей Михайлов. Всем шестерым мерой пресечения было избрано содержание под стражей, и Сергей Михайлов провел в Бутырской тюрьме без малого два года. Именно к этому периоду следует отнести появление в оперативных сводках московской милиции и в советской печати многочисленных, изобилующих подробностями сведений о так называемой Солнцевской преступной группировке.

Документы уголовного дела № 32646

«...В феврале—марте 1989 года я был в командировке в ФРГ. 5 марта мне позвонила главный бухгалтер кооператива Майорова и сообщила, что за последние 10 дней имели место несколько случаев посещения кооператива неизвестными лицами с целью шантажа, вымогательства и угроз в мой адрес. Также было сообщено, что за членами моей семьи установлена слежка на машинах неизвестными мужчинами крепкого телосложения.

Я вылетел в СССР 10 марта 1989 года. Мой знакомый Аркадий Марголин порекомендовал мне людей, способных защитить меня и мою семью от подобных посягательств. На следующий день ко мне явились ранее мне незнакомые Вик-

тор Аверин и Сергей Михайлов... указанные люди оговорили суммы платы охранникам. После этого шантаж и угрозы мне и моей семье прекратились.

Летом 1989 года Михайлов С.А. и Аверин В.С. выехали в ФРГ по приглашению моего партнера А. Хекка, где последний, по моей просьбе, оформил на них две автомашины “вольво-744”, то есть приобрел для них.

Уточняю, что Аверин и Михайлов оговорили каждому охраннику оплату в 2000 рублей в месяц. В дальнейшем кооператив “Фонд” перечислил Хекку из своего валютного фонда деньги за автомашины Аверина и Михайлова».

(Из допроса председателя кооператива «Фонд» Вадима Розенбаума. 1 декабря 1989 год, г. Москва.)

«...С 5 декабря 1989 года я нахожусь на излечении в психоневрологическом диспансере Фрунзенского района г. Москвы в связи с попыткой самоубийства. Мне выдали листок нетрудоспособности, и, по словам лечащего врача, лечение продлится до 20 января 1990 года. До попытки самоубийства я доведен действиями работников ГУВД. Если я покончу с собой или причиню себе телесные повреждения, то прошу во всем винить следователя Балашова и зам. начальника уголовного розыска Волкова.

Все было против меня сфабриковано и подтасовано данными двумя лицами, так как я отказался давать заведомо ложные показания против Михайлова и Аверина... Какие я давал показания, я не помню... с их стороны (следовате-

ля 3-го отделения следственного управления ГУВД Мосгорисполкома Балашова и зам. начальника уголовного розыска ГУВД Москвы Волкова. – О.Я.) постоянно в мой адрес слышались угрозы, что они закроют кооператив “Фонд”, а меня посадят».

(Из показаний председателя кооператива «Фонд» Вадима Розенбаума, 27 декабря 1989 год, г. Москва.)

«...Проверка подтвердила, что следователем Балашовым В.В. допущены процессуальные нарушения, в связи с чем перед руководством следственного управления ГУВД Мосгорисполкома поставлен вопрос о его ответственности и замене».

(Из письма прокуратуры г. Москвы № 16-627-90 от 24 апреля 1990 года.)

«Ходатайство

В соответствии со ст. ст. 201, 204 УПК РСФСР, ознакомившись с материалами уголовного дела № 32646... считаю необходимым заявить настоящее ходатайство о прекращении производства по делу в связи с отсутствием события преступления.

Постановление органов предварительного расследования о привлечении в качестве обвиняемого Михайлова С.А. – результат совместной деятельности по фабрикации уголовного дела органами предварительного расследования и Ро-

зенбаумом В.Г.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РСФСР под “организованной группой, предусмотренной в качестве квалифицирующего признака вымогательства, следует понимать устойчивую группу из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений”.

Следствие, игнорируя руководящие указания Пленума Верховного суда, по-своему решило трактовать не только понятие – организованная группа, но и доказательства, подтверждающие этот признак. Оно обратилось к сообщениям прессы, и в контексте обвинения появилось понятие “Солнцевская” организованная группа. Выйдя за рамки решения Пленума, следствие вводит признак административно-территориального деления, привязывая участников обвинения к постоянному месту жительства. Ничего более достоверного, чем общее место жительства обвиняемых, в уголовном деле нет!

Подменяя требования ст. 20 УК РСФСР, уничтожая права обвиняемых на защиту, гонимые жаждой борьбы с “организованной преступностью”, периодически черпая силы из все тех же публикаций в прессе, органы следствия создают миф о так называемой конкретной преступной деятельности Михайлова С.А. и др.

Адвокат С. Пограмков».

Собственно говоря, в этом ходатайстве, написанном в 1990 году, адвокат Сергей Пограмков впервые забил тревогу по поводу появившегося в печати и в материалах следствия термина «Солнцевская преступная группировка», подчеркнув, что эта фальсификация основывается лишь на том факте, что все обвиняемые – жители одной местности, то бишь Солнцевского района Москвы, а вернее, в те, теперь уже десятилетней давности времена, города Солнцево Московской области. И дело кооператива «Фонд» применительно к швейцарскому процессу Сергея Михайлова интересно здесь именно потому, что о солнцевских тогда, в 1989 году, заговорили впервые.

От первого лица Сергей МИХАЙЛОВ:

Во время судебного процесса в Женеве, да и раньше, на предварительном следствии, прокурор Жан Луи Кроше каждый раз пользовался одним и тем же аргументом. Когда в связи со мной в деле появлялась какая-либо фамилия, будь то мой компаньон или просто товарищ по учебе, по спорту, прокурором тут же давалось определение этому человеку:

«криминальный». Все мои друзья по логике прокурора были криминальными личностями, защищавшие меня адвокаты непременно принадлежали к криминальным структурам, и даже репортеры, «осмелившиеся» написать обо мне хоть что-то объективное, тотчас причислялись к разряду

криминальных. Железная логика, что и говорить.

Я родился и рос в Солнцевском районе, здесь учился в школе, здесь начал заниматься спортом. Здесь мои школьные друзья прозвали меня Михасем. У нас так было принято, да, насколько я знаю, не только у нас, а повсюду большинство школьных прозвищ становились производными от фамилии. Я никогда не принадлежал к криминальному миру, никто и никогда не присваивал мне никаких уголовных кличек. Но даже детское прозвище Михась журналистами впоследствии было использовано как еще одно доказательство моей причастности к преступной группировке.

Закончив школу, я работал, учился. Ни одно из мест моей работы или учебы не было связано с Солнцевским районом. Да и все мои друзья работали и учились в других районах Москвы. Конечно, мы продолжали встречаться, но нас объединял спорт, и только спорт. В свое время некоторые из нас порознь делали свои первые шаги в бизнесе, некоторые проекты мы осуществляли сообща, но это было уже в зрелые годы, когда пришел опыт коммерческой деятельности. Таких компаний в нашей стране да и в любой другой миллионы. Так неужто каждую такую компанию, где дружба зарождалась в детские и юношеские годы, следуя логике прокурора Кроше и ему подобных, нужно причислять к организованной преступности?

В кооперативе «Фонд» я, друг моего детства Виктор Аверин и еще несколько наших друзей стали работать тогда, ко-

гда нам всем уже было почти по тридцать лет. У каждого за плечами был некоторый опыт коммерческой деятельности, мы успели осуществить несколько международных проектов. Собственно говоря, сотрудничество с «Фондом» нас привлекло в первую очередь потому, что этот кооператив получил право на международную деятельность. Начав работать в «Фонде», мы первым делом занялись осуществлением именно международных проектов и добились весьма неплохих результатов. Арест, возбужденное уголовное дело, Бутырская тюрьма – все это обрушилось на нас, как снег на голову. Мы не знали и не чувствовали за собой никакой вины. Кооперативная деятельность была разрешена официально, в кооперативе «Фонд» мы работали, не нарушая никаких законов – ни советских, ни международных. Когда мы с Виктором поехали в ФРГ и купили там себе автомашины «вольво», магнитофоны, видеокамеры, еще кое-что для дома, то за все эти покупки при пересечении государственной границы СССР заплатили соответствующие пошлины. У нас и в мыслях не было что-то спрятать от таможенников. Покупая вещи за границей, мы прежде всего исходили из того, что приобретали то, что невозможно было достать в те годы в Советском Союзе. Только от следователя, а впоследствии из газетных публикаций узнали мы, что нас теперь называют «Солнцевской преступной группой». Но даже тогда мы еще не представляли всех масштабов, вернее сказать, той озлобленной силы, с какой началась на нас настоящая травля.

В стране происходили события, перевернувшие жизнь всех людей. Рухнул Советский Союз, Россия стала самостоятельным государством, было образовано СНГ, приватизированы заводы и целые промышленные отрасли, слово «бизнес» перестало быть ругательным. Неизменным оставалось одно – травля меня и моих товарищей. Любое громкое преступление, будь то убийство или ограбление, связывали с нашими именами. А когда находили истинных преступников, никто и не думал извиниться перед нами. Все это и стало причиной того, что в результате я вынужден был покинуть Россию.

«Фонд» действительно был одним из первых советских кооперативов. К тому же он создавался под эгидой советского Фонда культуры и курировался непосредственно Раисой Горбачевой. Быстро набирая коммерческие обороты внутри страны и осуществив с помощью Сергея Михайлова несколько крупных международных проектов, давших существенную прибыль, кооператив достаточно мощно обеспечивал материальную поддержку советского Фонда культуры, придавая финансовую независимость этой общественной организации и становясь чуть ли не эталоном или, вернее, эталонным показателем воплощенных в жизнь реформ Горбачева. И именно поэтому «Фонд» становился бельмом на глазу, фактором постоянного раздражителя для политических противников последнего генсека КПСС, первого и последнего Президента СССР. К тому же, нанося удар по коопера-

тиву, оппозиционеры убивали сразу двух зайцев: дискредитировали в глазах исполнительной власти и народа не только горбачевские реформы, но и направляли свои стрелы в жену главы государства. Пользуясь, как и ее муж, симпатиями на Западе, Раиса Горбачева не без помощи все той же оппозиции скоро стала объектом желчных и мелочных укусов прессы, умело распространяемые о ней анекдоты и слухи сделали ее чуть ли не ненавистной в глазах обывателя. То, чем восхищался Запад, жене советского лидера не хотели прощать в ее стране. Раиса Максимовна раздражала толпу, именуемую официозной прессой «великий и могучий советский народ», своим умением модно одеваться, образованностью, знанием иностранных языков, собственным мнением, которое она не всегда считала нужным скрывать. Вот если бы вместо нее, всегда со вкусом одетой, рядом с генсеком находилось, как это было до Горбачевой, откормленное до бесчеловечных размеров, бесформенное существо, обряженное в диких расцветок платье, вот тогда все бы было, как всегда, и не вызывало в народе никаких отрицательных эмоций. А «эта» лезла, куда ее не просят, создавала какие-то фонды, твердила непонятные слова о возрождении культуры, сверкала на телевизионных экранах коленками, доводя до бешенства «простую советскую женщину-труженицу», замордованную мужем-алкоголиком и многочасовыми очередями за колбасой. Причиной всех своих бед и всеобщего зла считали тогда советские люди Горбачева и его жену, не ведая,

что именно консервативные силы в КПСС и правительстве с помощью саботажа в снабжении населения продуктами питания и первой необходимости создавали в стране ситуацию, при умелом использовании которой они смогли бы опрокинуть и саму перестройку и ее «архитектора».

Траекторию и силу удара, направленного на кооператив «Фонд», рассчитывали и планировали не в прокурорских кабинетах московских редакций и даже не за казенными канцелярскими столами, заваленными уголовными делами и оперативными сводками. Этот удар планировался в тиши огромных кабинетов на Старой площади, под шуршание золотой опавшей листвы на подмосковных дачах, въезд и покой которых охранялся специально обученными людьми КГБ. А милиции и журналистам просто бросили по «сахарной косточке». Первым позволили проявить свое незаконное геройство и оперативную «смекалку», вторым «собственными» силами раскопать сенсацию и завопить на всю страну: выявлена организованная преступная группировка. Именно – организованная, исключительно преступная, несомненно – группировка, вот как нагнеталась эта сенсация шелкоперами, презревшими презумпцию невиновности, забывшими, поскольку им позволили об этом забыть, что только суд в правовом государстве может назвать преступника. Но ведь то в правовом! Если бы хоть один из «фактов» этой тщательно спланированной инсинуации был доказан, тогда можно было бы сказать народу открыто: это Михаил Гор-

бачев своими реформами создал предпосылки для появления в стране под крышей кооперативов организованных преступных группировок, а его жена покровительствовала им. И когда снаряд правового беспредела пронесся мимо, вот тогда злость и ярость этих «артиллеристов» в милицейских мундирах была направлена на тех, кто не захотел после двух лет незаконного тюремного заключения безропотно пойти «на этап».

Юристы помогли мне разыскать в архивах то самое злополучное уголовное дело № 32 646 по обвинению Сергея Михайлова, Виктора Аверина и еще четверых работников кооператива «Фонд», виновных, по меткому выражению адвоката Пограмкова, только в том, что они являлись жителями одного населенного пункта – Солнцева. Все в этом старом уголовном деле поражает даже не вопиющим беззаконием, а той беспечной вседозволенностью, с которой фабриковалось уголовное дело. Подтасовывались номера банковских счетов и даты денежных переводов, привлеченные для проведения финансовой экспертизы бухгалтеры и экономисты не столько выполняли порученную им работу, сколько занимались выводами о служебном несоответствии тех лиц, в отношении которых они проводили экспертизу. Прямые угрозы и запугивания со стороны следователей и оперативных работников уголовного розыска, незаконное содержание в тюрьме, фальсификация документов – вот характерные детали уголовного дела № 32 646. Но хотя и было оно явно заказным,

но подтасовки оказались столь очевидными, что прокуратуре не оставалось ничего иного, как закрыть это дело даже не за отсутствием состава преступления в действиях обвиняемых, а в связи с отсутствием события преступления. Иными словами, не было никакого преступления.

Издавна известно: где ничего не положено, там нечего взять. Но взяли, да еще как взяли. Звон пошел не то что «по всей Руси великой», а по всему миру. Теперь уже «артиллеристы» в милицейских погонах почли делом чести доказать всем и каждому, что «Солнцевская» преступная группировка – не плод их распаленной амбициями фантазии, а реальность. Немногочисленные газетные публикации, в которых журналисты пытались объективно разобраться в происшедшем, потонули в оглушительном грохоте, созданном мощной пропагандистской машиной. Той самой машиной, «винтики» которой за 70 с лишним лет привыкли не анализировать, почему они крутятся и откуда берется смазка, а крутиться и смазку получать. Если день начинается восходом и заканчивается заходом солнца, то оперативные сводки и заметки криминальной хроники почти всех российских газет начинались и заканчивались солнцевскими. Министр юстиции с голыми девками в бане развлекался – значит, баня принадлежит солнцевским. Убили тележурналиста – след ведет к солнцевским. Ограбили банк – ищи преступников все там же, в Солнцево. Вспоминаю один из не очень давних телерепортажей. Речь шла о том, что возле одной из московских

гостиниц был убит некий средней руки бизнесмен. В выводах автора телевизионного репортажа сомнениям места не было: поскольку всем (!) известно, что эту гостиницу контролирует «Солнцевская» преступная группировка, вещал журналист, то милиция следы убийства должна искать среди солнцевских. И никак иначе. Следы солнцевских вели во все сферы криминальной деятельности – распространение на Западе русской проституции, торговля оружием и наркотиками, заказные убийства и рэкет. Известно, что гениальный актер, рухнувший на сцене под «смертельным» ударом бутафорского кинжала, может заставить рыдать весь зал. В существование «Солнцевской» преступной группировки поверил в итоге весь мир. Руководители отделений Интерпола в европейских странах не раз поясняли, что многочисленные факты о «преступной деятельности» Сергея Михайлова они почерпнули из СМИ. Миф о солнцевских уже стал похож не столько на снежный ком, сколько на обрушившуюся с гор лавину. Женевский судебный процесс развенчал этот миф. До конца ли?

От первого лица

Сергей МИХАЙЛОВ:

Кооперативной деятельностью я занялся в 1986 году. Чего я только поначалу не перепробовал. Открыл кооператив по торговле цветами, производил продукты питания, прохладительные напитки и мороженое. Я чувствовал, что мне

многое удается, и потому расширял свой, как впоследствии стали говорить, бизнес. Я вообще-то сплю немного, а в те годы на сон оставлял самый минимум, работал очень много. Как я уже говорил, меня привлекала международная деятельность, и в кооперативе «Фонд» я прежде всего видел возможность выйти на международную арену. Я и представить не мог тогда, что окажусь в центре хитросплетений политической борьбы. Видимо, и именно по тем причинам, о которых я уже упоминал, я оказался очень удобной мишенью. Арест 1989 года это лишь подтвердил. Почти два года в Бутырке стали тяжелым испытанием. Но и тюрьма не смогла меня сломать. Выйдя оттуда, я снова занялся коммерцией. Но я чувствовал, как сгущаются вокруг меня тучи. Меня преследовали на каждом шагу, не давая мне работать. Стоило какому-нибудь задержанному в Москве человеку всуе упомянуть мое имя, как ко мне являлись с обыском. Работать в такой обстановке было чрезвычайно тяжело, к тому же я почти физически ощущал, что-то должно произойти. Возможно, против меня готовили какую-нибудь провокацию, может быть, даже покушение. Не знаю точно, а фантазировать не хочу. Одним словом, как мне ни тяжело было принимать такое решение, я решил уехать из страны.

Это было очень непростое решение. Одно дело заниматься международным бизнесом, много ездить по свету, совсем иное – жить за границей. На Западе сейчас живут сотни тысяч бывших советских граждан, но я уверен, что каждому

из них решение об эмиграции далось с большим трудом. Конечно, времена изменились, теперь можно было сохранить российское гражданство, но уезжать было нелегко. Уехав в Европу, я по-прежнему очень много работал, у меня уже были кое-какие связи с западными партнерами, и я укреплял их, осуществляя различные контракты в Австрии, Бельгии, Венгрии, Израиле, США, Швейцарии, некоторых других странах. Бизнес, как, впрочем, и любое другое дело, без потерь не бывает. Не могу сказать, что все у меня складывалось гладко, но, в общем, я шел по возрастающей. Налаживался и быт семьи. Дочери учились в хорошем частном колледже в Швейцарии, я и сам подумывал о том, чтобы выбрать эту страну постоянным местом жительства. Открыв в Швейцарии фирму и счета в банках, я разработал проект, который сулил существенные прибыли. Суть проекта заключалась в том, чтобы при помощи швейцарских и еще ряда других европейских технологических фирм заняться заменой подземных коммуникаций и трубопроводов в разных странах, включая Россию. Этот проект вызывал на самом деле огромный интерес всех, с кем я сотрудничал. Мой адвокат подготовил документные характеристики, и мы подали прошение о предоставлении мне в Швейцарии вида на жительство и права на работу. Это прошение, как мне сообщили, было весьма благосклонно воспринято швейцарскими властями. Арест нарушил все мои планы, перевернул и мою жизнь, и жизнь моей семьи.

* * *

Когда 12 декабря 1998 года Сергей Михайлов после освобождения из женевской тюрьмы Шан-Долон прилетел в Москву, вместе с группой журналистов его в аэропорту Шереметьево-2 встречала небольшого роста, худенькая темно-волосая женщина. Они обнялись, расцеловались, и эту сцену телевизионщики показали крупным планом. Имя Юлии Лебедевой, прозвучавшее в том телевизионном репортаже, мало кто запомнил, а вот эпизод теплой встречи запечатлелся в памяти многих. Сплетни, особенно пикантные, тем и отличаются от правды, что распространяются мгновенно. И хотя в репортаже было сказано, что Лебедева в одно время с Михайловым сидела в женевской тюрьме Шан-Долон, людская молва тут же разнесла самые подробные детали их «отношений».

Что делает репортер, когда нет сенсации? Он ее создает. Что делает хороший репортер, когда сенсация уже создана? Он обставляет ее правдоподобными деталями, чтобы ни у кого не возникло ощущения стоящего в кустах рояля. О прибытии Михайлова в Москву Лебедевой сообщили журналисты телеканала НТВ, они же пригласили ее приехать в Шереметьево, дабы она могла присутствовать на пресс-конференции. А ровно за год до описываемых событий швейцарская полиция, упрятав Лебедеву в тюрьму, не сомневалась, что теперь у них появился полный «семейный» комплект русской

мафии. «Крестный отец» – Сергей Михайлов уже находился в Шан-Долоне, теперь здесь с подачи следователей появилась и «крестная мать» русской мафии – Юлия Лебедева.

Выпускница школы студии Игоря Моисеева, профессиональная танцовщица, в последние годы – балетмейстер-постановщик, Юлия Лебедева, женщина непосредственная и импульсивная, несколько экстравагантная, сделала все от нее зависящее, чтобы оказаться в поле зрения швейцарской полиции. Ее история романтична, но в то же время проста до неправдоподобия, но именно поэтому она истинна. Но истинна в чисто русском духе. Швейцарцам же ни саму Лебедеву, ни ее историю не понять, потому что не понять никогда. Они и не поняли.

В соответствии с контрактом Юлия Лебедева, как балетмейстер-постановщик и как продюсер, готовила в Москве группу танцовщиц для участия в большом театрализованном шоу. Буквально за день до отправления группы Лебедевой позвонили знакомые из Женевы и сообщили, что то ли погиб, то ли даже покончил жизнь самоубийством ее близкий друг. Она поверить не могла в это, заметалась, не зная, что делать. Вместе с подготовленной группой она в Женеву ехать не собиралась, получить за день-два загранпаспорт и швейцарскую визу было делом абсолютно нереальным. В тот самый момент, когда она раздумывала, как же ей узнать, что на самом деле произошло с близким человеком, к ней зашел администратор и сообщил, что одна из танцовщиц ехать

не может. Он даже не успел пояснить, по каким причинам девушка отказывается от поездки, как Юля его перебила, сорвавшись в крик:

– Да она что, с ума сошла?! Контракт горит, мы же теперь швейцарцам неустойку платить будем!

Лебедева выхватила из стопки документов паспорт «отказницы»

и, взглянув на фотографию, внезапно умолкла.

– Ладно, иди, я сама разберусь, – отпустила она администратора.

Шальная мысль пришла ей в голову. С паспортной фотографии на нее смотрело лицо, в котором Лебедева без труда отыскивала внешнее сходство – такие же темные, чуть вьющиеся волосы, такой же разрез зеленых глаз. Решение было принято – отчаянное, сумасбродное, но бесповоротное.

Сходство Лебедевой с девушкой на фотографии и впрямь было очевидным – она без всяких осложнений преодолела пограничный контроль сначала в московском аэропорту Шереметьево, а потом в женевском аэропорту Куантрэн. На второй день пребывания в Швейцарии в ее гостиничный номер властно постучали. Открыв дверь, Лебедева увидела на пороге полицейских. «И был донос и был навет», как пел незабвенный Владимир Семенович. Донос по факту проникновения в Швейцарскую Конфедерацию по чужому паспорту российской гражданки, а навет в том смысле, что в доносе живописались «преступные подвиги» Лебедевой, и вывод

наличествовал: принадлежит к русской мафии, несомненно, входит в число ее руководителей. Сдал ее кто-то из своих, впрочем, теперь уже доподлинно известно, кто именно. Мотивы доноса проглядываются совершенно низменные, впрочем, сие из области рассуждений, а заявительница может возразить, что руководствовалась, напротив, самыми возвышенными побуждениями. А потому свои и Лебедевой выводы оставляю при себе. Кто желает, может на эту тему вволю пофантазировать.

* * *

ЮЛИЯ ЛЕБЕДЕВА:

В тюрьму Шан-Долон меня привезли ночью, в том самом платье, в котором я была, когда пришли полицейские. Ни зубной щетки, ни смены белья, ни косметики – ничего у меня при себе не было. Конечно, я понимала, что натворила черт-те что. Но я и вправду была в тот момент не в себе, способна на самые отчаянные поступки. Прилетев в Женеву, я ринулась узнавать о судьбе своего друга и выяснила, что он действительно застрелился. Где он взял оружие, почему ушел из жизни – вот о чем я думала все это время. И когда за мной пришли полицейские, я находилась в какой-то прощрации. Спокойно, даже, скорее, равнодушно пошла с ними. Мне, по большому счету, в тот момент было абсолютно наплевать, что со мной сделают.

Перед тем как отвезти в Шан-Долон, меня допросили в

полиции. И первый вопрос, который мне задали, был о Сергее Михайлове. Меня спросили, знаю ли я его. «Что вы подразумеваете под этим вопросом? – переспросила я. – Знаю лично, знаю хорошо или знаю в лицо? У нас вся страна его сейчас знает. Дня не проходит, чтобы его не показывали по телевизору или не публиковали его фотографий в газетах и журналах. Так что я тоже знаю Сергея Михайлова в лицо...»

Следователь меня оборвал: «Вы должны говорить правду. Вы наверняка хорошо знакомы, судя по почерку, вы занимаетесь одним делом и работаете вместе».

Этот допрос продолжался двенадцать часов. Под конец они стали убеждать меня в том, что если я расскажу им всю правду о Михайлове и о русской преступности, то они постараются добиться для меня снисхождения. О том же говорил мне и следователь Венгер, когда допрашивал меня в тюрьме. Я ждала, что мне устроят очную ставку с Михайловым, но этого не происходило. Впрочем, наша первая да и несколько последующих встреч в тюрьме Шан– Долон наводят меня на размышление о том, что эти встречи были не случайны. Мне иногда кажется, что их подстроили для того, чтобы не на официальной очной ставке, а как бы при случайной встрече проверить нашу реакцию.

Дело в том, что в Шан-Долоне содержатся и женщины и мужчины, но женские и мужские камеры находятся в разных, далеких друг от друга и никак не сообщающихся коридорах. Надзиратели тюрьмы, таковы правила, строго следят, чтобы

мужчины и женщины никогда между собой не встречались. Мужчины всегда выводились на прогулку на футбольное поле, а для прогулок женщин была предназначена зеленая, поросшая травой лужайка совсем в другом конце тюремного двора. Да и гуляли мы в разное время.

Моя первая встреча с Сергеем произошла через несколько дней тюремного заключения. Моими адвокатами стали Ральф Изенеггер и Яна Смутни, чешка по происхождению. Собственно, Изенеггер почти не занимался моим делом, в основном все свои проблемы я обсуждала с Яной. И вот однажды после встречи с ней мы вышли в коридор, и я увидела рядом с Ральфом высокого широкоплечего мужчину. Я уже знала, что женщин и мужчин-заключенных ограждают от встреч. К тому же стоявший рядом с адвокатом мужчина был в прекрасном, элегантном костюме, я даже решила, что это начальник тюрьмы. Тут меня поздравил Изенеггер и сказал: «Юля, познакомься, это господин Сергей Михайлов». Мне показалось, что Сергей даже несколько растерялся, во всяком случае, наступила долгая пауза. А может, он просто был поражен, услышав русскую речь. Не знаю, мы как-то никогда с ним не выясняли, что он чувствовал в тот момент. Но потом мы разговорились, и, что самое удивительное, стоявшие поодаль гардианы спокойно наблюдали за нашей встречей и не мешали разговору. Только через несколько минут один из них выразительно постучал ногтем по циферблату часов, и нас развели по своим коридорам. Потом

было еще несколько таких же «случайных» встреч. Я, допустим, шла на встречу с адвокатом, священником или психологом, а старший над-зиратель, который указывал, какому заключенному в какую комнату пройти, меня предупреждал: «Зайдите сначала в комнату № 10». Это вообще был очень странный человек, никак не вязавшийся в моем воображении с ролью тюремщика. Его звали Марсель, и при моем появлении он неизменно вставал, приветствовал меня обязательным

«Бон жур, мадам Джулия» и целовал мне – заключенной (!) – руку. Потом я заходила в комнату, где уже сидел Сергей. Дверь комнаты всегда оставалась открытой, но несколько минут мы могли беспрепятственно поговорить. Эти встречи для меня были даже важнее бесед с адвокатом. Сергей умел не просто успокоить, он вселял какуюто необыкновенную уверенность.

А однажды Сергей устроил такое, от чего ахнула вся тюрьма. Обитатели Шан-Долона вообще очень любят интересоваться биографией каждого вновь появившегося заключенного, узнают, кто он по знаку зодиака, когда у него день рождения, какая семья, ну и все такое прочее. Потом по внутренней «почте» это расходится по всей тюрьме. Так что Сергей тоже знал, когда у меня день рождения. 23 июля я проснулась в скверном настроении. А чего хорошего меня здесь могло ждать в день рождения? Дома были бы гости, много шуток, веселое застолье. А тут... И вдруг в камеру входит надзира-

тельница и говорит: «Джулия, тебе передача». И вкатывает тележку, на которую были водружены две огромные корзины и букет роскошных роз. А в корзинах! И фрукты, и шоколад, и деликатесы. Там столько всего было, что я могла всю тюрьму накормить до отвала. В этой передаче был даже добрый шмат сала. Видно, Сергей Анатольевич решил, что я по нему страшно соскучилась. Потом подарки поступали весь день. Их приносили из разных камер – мужских и женских: цветы, конфеты, шоколад. Потом надзирательницы мне сказали, что такого дня рождения тюрьма Шан-Долон никогда не видела. Было даже шампанское, что запрещено категорически. Шампанское принес священник Алан Рене Арбе, который навещал нас в тюрьме регулярно. На бутылках значилось, что это безалкогольное фруктовое шампанское, но по мозгам нам, отвыкшим от вина, дало будь здоров. Кстати, еще одну бутылку шампанского принес заместитель начальника тюрьмы. Дело в том, что я неплохо рисую и нарисовала ему акриловыми красками на холсте родовой герб его семьи. Вообще это был день сплошных исключений. Для того чтобы нарезать продукты, мне выдали остро наточенные ножи, потом разрешили вынести в коридор музыку, что вообще-то разрешалось только по субботам и воскресеньям. А начальница женского отделения даже танцевала со мной. В общем, мы веселились от души. В этот день в Женеве был какой-то праздник, и вечером был салют. Конечно, к моему дню рождения это не имело никакого отношения, но заключенные,

охочие до всяких выдумок и легенд, тут же распространили по тюрьме слухок, что и этот фейерверк тоже устроили в мою честь. Правда, тюрьма остается тюрьмой, и на следующий день в моей камере устроили шмон по всем правилам, перевернули все вверх дном, боялись, что кто-то из моих сокамерниц стащил нож.

Вообще отношения между обитателями Шан-Долон были очень интересными и своеобразными. Многие из нас работали в мастерской, занимались какими-то поделками. Я, например, рисовала. Таких кистей и красок, как в этой тюрьме, я никогда в жизни не видела. Считалось, что я делаю свои рисунки на продажу, но за стены Шан-Долона они даже не выходили – их раскупали надзиратели, а деньги перечисляли на мой тюремный счет, так что в магазине я могла купить какие-то предметы личной гигиены, дозволенную парфюмерию, сигареты, продукты. Заключение очень любили дарить друг другу свои поделки, так что из мужского отделения в женское и наоборот все время пересылались очень трогательные подарки. Романы здесь вспыхивали мгновенно, история Шан-Долона даже знает несколько свадеб между заключенными. Свадьбы, вернее, обряд бракосочетания, законом не запрещены, но поскольку Шан-Долон – тюрьма следственная, то никаких свиданий и интимной жизни заключенных, вступивших в брак, не позволялось. Вот после вынесения приговора и перевода в обычную тюрьму такие встречи были предусмотрены. Кстати, недавно я полу-

чила на свой домашний адрес письмо, в котором лежала открытка-приглашение на церемонию бракосочетания в Шан-Долон. Как я уже рассказывала, мужчины и женщины в тюрьме гуляли отдельно и в разное время. Когда мы выходили на прогулку, то все мужское население устраивалось у окон своих камер. Женщин прогуливали с часу до двух часов дня. Летом жарища невероятная, солнце так и палит. Официально разрешалось загорать только в купальниках. Но откуда у эчек могли быть купальники? Наиболее смелые сбрасывали с себя одежду и загорали в нижнем белье. Что творилось в эти моменты с мужиками, передать не могу. Вот так и начинались тюремные романы. Приглянувшейся даме кавалер считал своим долгом тотчас отправить письмо. Система тюремной почты была отработана до мельчайших деталей, и называлась эта почта на тюремном жаргоне

«е-е». Для начала нужно было сплести тонкую, но прочную веревку длиной метров двенадцать—пятнадцать. Для этого использовалось все, что можно было вынести из мастерской, женские колготки, припрятанные от надзирателей, старые простыни. Один конец веревки оставался в руках, к другому привязывался целлофановый пакет. В пакет укладывалось письмо, а в качестве груза апельсин или яблоко. Вот этот привязанный к веревке пакет метался на другой этаж, где уже в назначенное время дежурил человек с высунутой из окна шваброй. Нужно было умудриться метнуть это «лассо» так, чтобы пакет обмотался вокруг швабры или по

крайней мере зацепился за нее. Конечно, отправка почты от мужчин к женщинам происходила более ловко. Женщины то и дело роняли из рук конец веревки, и тогда письмо забирали надзиратели. Они знали о нашей переписке, но не письма их беспокоили, а передача наркотиков. Вот за этим следили действительно строго, а на передачу писем смотрели сквозь пальцы. Об этом я знаю потому, что в моей камере то и дело появлялись заключенные-наркоманки.

Часто приходил в тюрьму пастор Алан Рене Арбе. Я так до конца и не разобралась, к какой же конфессии он себя причисляет. Это какое-то новое реформистское движение, объединяющее христиан, иудеев и даже мусульман. Они исходят из того, что Бог един. Алан Рене Арбе в тюрьму навещался регулярно, причем делал он это совершенно бескорыстно. С собой он приносил хорошие духи или туалетную воду. В тюрьме пользоваться этим видом парфюмерии не разрешалось – боялись, что заключенные будут использовать парфюм вместо алкоголя. А пастор приносил свободно и в конце наших бесед всякий раз обрызгивал меня чуть не с ног до головы. Я один раз даже сказала, что боюсь, как бы меня не спросили, почему после каждой встречи со священником я так замечательно пахну. Пастор изучал русский язык, сносно на нем болтал, увлекался русской литературой, историей, культурой, но особенно его интересовал русский сленг. Это были странные беседы. С одной стороны, он нас морально поддерживал, утешал, с другой стороны – интересовался де-

тяжами дела в самых мельчайших подробностях, вызывал на откровенность, граничащую с исповедью. Сказать честно, я так и не разобралась, что же за человек Алан Рене Арбе. Но встречи с ним на самом деле приносили успокоение, давали ощущение духовного равновесия.

Долгое время я посещала и еще одного господина – психолога. Чрезвычайно обходительный мужчина, он постоянно призывал меня к откровенности, уверяя, что если я сообщу ему правду о своих сообщниках и делах, то на душе у меня станет легче. Мои уверения в том, что мне нечего добавить к уже сказанному, он совершенно не воспринимал и клялся в том, что все, мною сказанное, в нем и умрет. Однажды я язвительно заметила, что он, может быть, никому ничего и не скажет, а вот установленные по углам комнаты глазки телекамер меня что-то смущают. Психолог покраснел, как нашкодивший мальчишка, и стал что-то такое лепетать, что здесь, мол, когда-то была лаборатория и кто-то в ней учился операторскому делу. «Интересное вы выбрали место для учебного заведения», – не удержалась я от замечания. Самое интересное, что, дура, долгое время была убеждена, что эти посещения для меня обязательны. Но всякий раз, являясь на встречу с психологом, я должна была по двадцать минут, а то и больше ожидать его запертой в тесной клетке – таков был порядок. Однажды я психанула и сказала, что если уж я обязана встречаться с этим типом, то пусть он тогда хотя бы является вовремя. На что мне и сказали, что никто меня не обязыва-

ет. На этом мои встречи с психологом прекратились. Все те восемь месяцев, что я провела в Шан-Долоне, я общалась с Сергеем. «Случайные» встречи происходили все реже и реже, но зато мы перекрикивались. Я называла эти, с позволения сказать, беседы «Малыш и Карлсон». Моя камера была на третьем, самом верхнем этаже, а Сергей гулял по крыше, над которой была натянута металлическая сетка. В определенное время я свешивалась из окна и во всю глотку кричала: «Сергей!» Он подходил к ближнему к моей камере краю и отзывался. Ну ни дать ни взять – Малыш в окне и Карлсон на крыше. Охранники, которые сопровождали его во время прогулок, давали нам некоторое время на этот, очень громкий, разговор потом, конечно, вмешивались, и «беседа» обрывалась до следующей прогулки. Сергей Михайлов был поистине самым заметным и самым легендарным обитателем Шан-Долона. Здесь ожидали суда и приговора убийцы, грабители, мошенники, но ни о ком так много не судачили в Шан-Долоне, как о Михайлове. Заключенные всей тюрьмы считали своим долгом собирать все газеты, в которых о нем были статьи, и отправлять их мне. В отличие от Михайлова я не была лишена прогулок вместе со всем своим отделением, а эти прогулки становились единственным местом общения с другими заключенными. Не было дня, чтобы меня кто-то не пытался расспросить о Сергее. И они страшно обижались, когда я не могла сказать им ничего нового, кроме того, что было написано в газетах. А уж вопрос о том, люблю ли я Сер-

гея, был просто постоянным. И когда я отвечала: «Я думаю, он теперь мой настоящий друг», – я видела разочарование на лицах. Они-то жаждали необыкновенного романа двух русских, а романа не было. Я восхищалась мужеством Сергея, его умом, ясностью мышления, умением убеждать и внушать уверенность, но как этого было мало моим слушательницам. И как необходима эта поддержка была мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.